

В СВОДКАХ НЕ СООБЩАЛОСЬ...

**ПРОПАВШИХ
БЕЗ ВЕСТИ -
НЕ НАГРАЖДАТЬ!**

ГЕННАДИЙ СОРОКИН

В сводках не сообщалось...

Геннадий Сорокин
**Пропавших без вести
– не награждать!**

«ВЕЧЕ»

2017

Сорокин Г. Г.

Пропавших без вести – не награждать! / Г. Г. Сорокин —
«ВЕЧЕ», 2017 — (В сводках не сообщалось...)

ISBN 978-5-4484-7921-2

В 1944 году нацистская Германия применила на фронтах новейшие виды вооружений, не имеющие аналогов у ее противников: крылатые и баллистические ракеты, анаэробные подводные лодки, реактивные самолеты. Небо над рейхом должны были прикрывать установки направленного электромагнитного излучения, мгновенно превращающие любой самолет в клубок пламени. Такая экспериментальная установка электромагнитного излучателя была построена в Центральной Норвегии. Планы нацистов сорвал дерзкий рейд десантников-североморцев под командованием бывшего партизана капитана Николая Лоскутова.

ISBN 978-5-4484-7921-2

© Сорокин Г. Г., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	30
Глава 8	31
Глава 9	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Геннадий Сорокин

Пропавших без вести – не награждать!

Часть первая

С миру – по нитке

Глава 1

Сталин отложил в сторону сводку за 4 апреля 1944 года. За прошедшие сутки советские войска, разгромив румынские и немецкие дивизии, вплотную приблизились к Одессе. Передовые части 51-й армии 4-го Украинского фронта начали подготовку к штурму Крымского перешейка. На других участках советско-германского фронта существенных изменений не произошло.

Перед прочтением информации о состоянии дел в промышленности Сталин решил сделать короткий перерыв. Вызвав порученца, он велел принести стакан свежесваренного чая с лимоном, достал из коробки папиросу, закурил. Как праздное чтиво, как раз годящееся для перерыва между важными делами, раскрыл папку с подборкой документов по использованию электромагнитного излучения в военных целях. Первым был обзорный меморандум, составленный Академией наук СССР. Доклад уместился на одном листе машинописного текста. Большого формата для документов такого рода Сталин не признавал и не читал: кому есть что доложить, способен сделать это в сжатой форме; кому нечего сказать, будет лить воду между строк.

Еще одной особенностью письменных докладов Сталину была их простота и доходчивость. Так, он считал, что офицеру-артиллеристу не надо знать химическую формулу пороха и марку стали, из которой изготовлен ствол его орудия. Для артиллериста важен калибр орудия, дальность стрельбы, поражающие свойства боезаряда и требуемое количество солдат в оружейном расчете. Руководителю военно-промышленного предприятия, обеспечивающего пушками действующую армию, всего перечисленного знать не надо. Его должны интересовать сроки изготовления орудия и его стоимость. Соответственно, доклады от артиллериста и от промышленника должны быть разными и касаться только вопросов, входящих в их компетенцию.

«Электромагнитная индукция – это явление возникновения электрического тока в замкнутом контуре при изменении магнитного потока, проходящего через него. Замкнутым проводящим контуром будет являться любой металлический предмет, независимо от его размеров. С 1891 года сербско-американский ученый Никола Тесла неоднократно демонстрировал беспроводную передачу электромагнитных волн на расстояние и заявлял, что изобрел передатчик электромагнитного излучения «Т»-диапазона, способного в замкнутом контуре вызвать мощное электрическое поле. Под воздействием электрического поля внутри замкнутого контура происходит «дипольный сдвиг» молекул в жидкостях. Энергия электромагнитных колебаний поля приводит к постоянному сдвигу молекул, и происходит превращение электрической энергии в тепловую. Содержащаяся внутри замкнутого контура жидкость закипает».

Сталин умел абстрагироваться. Он прикрыл глаза и представил, как невидимые глазу электромагнитные лучи захватывают летящий в небе самолет. Секунда-другая, и от нагрева в аэроплане взрываются баки с горючим. Лучи переходят на другой самолет, потом на третий... Ничего себе перспективы войны в воздухе! Не надо ни истребителей, ни зенитных орудий. Сиди себе в защищенном бункере да жги всю авиацию в зоне действия «Т»-излучения. Кстати,

буква «Т» в названии излучения значит «Тесла»? В честь себя назвал? Бахвал, как и все иностранцы!

Какой же вывод делают наши «ученые мужи»?

«В настоящих условиях создание передатчика необходимой мощности невозможно».

Невозможно! Это ретроградское словечко. Все возможно, если к исполнению приложить соответствующее материальное обеспечение и жесткое руководство. Волю нужно приложить, тогда все исполнится. Кто двадцать лет назад всерьез воспринимал ракеты? Никто. Все считали их применение в военных целях прожектерством. А сейчас неуправляемые реактивные снаряды, те же «катюши» – одно из эффективнейших средств уничтожения противника.

Как бы то ни было, ракетное оружие стало реальностью. То же может быть и с лучами Теслы.

За меморандумом ученых лежал рапорт начальника НКГБ СССР.

«Источник в английском военном министерстве сообщает, что с конца 1942 года на побережье Норвежского моря, севернее городка Намсус, действует секретная немецкая лаборатория по исследованию передачи электромагнитной энергии на расстояние. Результаты экспериментов неизвестны».

Второй год немцы экспериментируют с лучами, способными уничтожать все живое, находящееся внутри танка, самолета, корабля, а товарищу Сталину это становится известно только сейчас! Что пишут из наркомата обороны?

«Министерство вооружения Германии увеличило секретную смету расходов на исследование в области передачи энергии на расстояние. Предположительно в 160 километрах к северу от норвежского города Тронхейм, на берегу моря, построен секретный объект по исследованию воздействия “Т”-лучей на людей и военную технику. Для охраны данного объекта из Тронхейма переброшены два малых противолодочных корабля и катер-тральщик. На аэродром Намсуса перебазирована эскадрилья истребителей. Непосредственную охрану объекта осуществляет батальон войск СС, усиленный двумя ротами горных егерей. Строительные работы на объекте ведутся военнопленными. В какой стадии находится разработка передатчика “Т”-лучей, неизвестно».

Интерес к работам покойного Николы Теслы возник у Сталина совершенно случайно. Позавчера за ужином Клим Ворошилов обмолвился, что в конце двадцатых годов смотрел фильм, как студенты-революционеры с помощью мифических икс-лучей подожгли броневик белогвардейцев. Сталин тоже видел этот фильм: чепуха, низкопробная агитка, но для интереса затребовал информацию о перспективах использования лучевой энергии в военных целях. Информация – вот она. Информациястораживающая: немцы в столь сложный для них период войны перебрасывают в тыловую Норвегию части СС, самолеты, корабли. Зачем? Охранять чудачества фантазеров от науки? Непохоже. Гитлер давно запретил финансирование всех научных исследований, которые неспособны дать практический эффект в течение полугода. У Гитлера теперь каждая рейхсмарка и каждый человек на счету. Ему сейчас не до теоретических исследований.

Сталин еще раз представил армаду бомбардировщиков, идущих плотным слоем на выполнение задания. Внезапно то один, то другой самолет превращается в огненный клубок. Противника экипажи бомбардировщиков не видят, что происходит – не понимают. Начинается паника. Самолеты сбрасывают бомбы куда попало и возвращаются на аэродром базирования. Если, конечно, будет кому возвращаться.

Звонком Сталин вызвал секретаря.

– Подготовьте на завтра совещание по данному вопросу, – он протянул Поскребышеву папку с изученными материалами. – Персональный состав участников совещания принесите на утверждение.

Оставшись вновь один, Сталин на большом глобусе нашел Тронхейм. Между ним и Нарвиком населенных пунктов не было.

«Видать, совсем мелочный городишко, этот Намсус, – подумал он, – вроде Туруханска. Такие ни на карту, ни на глобус не наносят».

Сравнивая Намсус и Туруханск, товарищ Сталин немного лукавил. Намсус действительно найти на карте непросто, а вот Туруханск, из уважения к революционному прошлому вождя, был отмечен на всех географических картах Советского Союза.

Глава 2

К началу июля 1941 года немецкая армия, разгромив основные силы Западного фронта, стремительно продвигалась в направлении Москвы. Очередным опорным пунктом на пути танков Гудериана стал белорусский город Могилев. Оборонять его было поручено войскам 61-го стрелкового корпуса генерал-майора Бакунина.

Линия фронта в районе Могилева была очень условная. На штабных картах все советские войска стояли в единой цепи, плечом к плечу. В реальности никакой сплошной линии обороны не существовало, фронт распался на отдельные очаги боев: где-то советские части, проявляя чудеса мужества, бились с наступающим врагом до последней капли крови, а где-то, не ставя никого в известность, отступали на восток. Некоторые, подчас очень крупные, воинские соединения «были рассеяны превосходящими силами противника», что в переводе с официального военного языка означало: разбежались кто куда.

4 июля 1941 года в штаб генерала Бакунина поступило сообщение, что за линией фронта, в тылу немецких войск, в районе деревни Осиновка, в полном окружении держит оборону неустановленное крупное воинское соединение – предположительно стрелковый полк. Связь с окруженным полком отсутствовала. Командующий корпусом приказал: во что бы то ни стало установить сообщение с окруженной частью и передать им приказ идти на соединение с основными силами армии.

Легко отдать приказ, который выполнять другим! Как установить связь с окруженной частью, если радиосвязь отсутствует, а проводной связи нет в помине? На самолете к осажденным не прорваться – в небе безраздельно господствует немецкая авиация. Моторизованную группу не послать. Остается направить в тыл к врагу разведчика-одиночку, рейдовика.

В подчинении начальника разведки 61-го стрелкового корпуса полковника Антонова из пяти рейдовиков оставался один, остальные были или убиты, или пропали без вести еще в самом начале войны. Единственного рейдовика звали Монгол. На вид ему можно было дать лет тридцать. Роста он был выше среднего, худощав, но физически очень вынослив. Жилистый. Кличку свою Монгол получил за слегка раскосые карие глаза и смуглый цвет лица.

Как только стемнело, Монгола привезли к брешу в линии фронта. Среди сопровождавших его штабных офицеров был заместитель комиссара корпуса Терехин.

Пока представители корпусной разведки принимали доклад об отсутствии инженерных препятствий на пути рейдовика, Терехин отозвал Монгола в сторону.

– В той части, которая держит оборону, тебе может встретиться вот этот человек, – политработник в свете автомобильных фар показал рейдовику фотографию молоденького лейтенанта-пехотинца. – Если ты его встретишь, то...

Монгол взял фотографию, поднес к глазам, рассмотрел.

– Как я понимаю, это сын члена Военного совета? Похож, похож, ничего не скажешь. Вы, Сергей Ильич, доложите начальству, если я его встречу, то переведу на нашу сторону. Еще пожелания у руководства есть?

– Больше нет. Возвращайся живым.

– Ну, давай, дружище, – напутствовал Монгола начальник разведки. – Надеюсь, скоро вернешься.

– Я-то вернусь, – ухмыльнулся в темноту рейдовик. – Главное, вы меня на месте дождитесь!

Пока намек доходил до штабных офицеров, разведчик юркнул во мглу и был таков.

– Вот ведь сволочь! – выругался офицер оперативного отдела. – Он на что намекает, что мы опять отступать будем?

Ему никто не ответил. Враг теснил советские войска с каждым днем. Помощи ждать было неоткуда.

На вторые сутки, утром, Монгол вышел к месту предполагаемой обороны неизвестного полка. Перед ним простиралось широкое поле, переходящее в лиственный лес. Справа от поля шла проселочная дорога, сразу же за которой были болото и редкий березняк.

Через все поле, перпендикулярно дороге, проходила наспех выкопанная линия окопов. У дальнего леса виднелся остов немецкого подбитого танка. За спиной у рейдовика были две раскуроченные взрывом пушки-сорокапятки.

Дул легкий ветерок. По небу проплывали редкие облака. Солнце начинало припекать.

Монгол поднес к глазам оптический прицел немецкой снайперской винтовки, заменявшей ему бинокль. Осмотрел окрестности. Сделал выводы. Прикинул, как бы эта местность выглядела на топографической карте и где бы он расположил командный пункт обороняющихся войск.

«Значит, так, – размышлял рейдовик, направляясь на предполагаемый КП. – Фронт обороны здесь не больше километра. Окопы отрыты в одну линию, запасных позиций нет. Здесь оборонялся не полк, а остатки полка численностью не больше стрелкового батальона. Дорогу наши заминировали, и немцам ничего не оставалось, как атаковать их через поле. Бой был дня три назад, так что я изначально опоздал».

Он обошел лежащий ничком труп красноармейца. Приближаться к убитому, не задержав дыхания, было невозможно – на июльской жаре тело быстро разлагалось.

Раскурив трубку, Монгол перебросил автомат за спину и неспешно, осматривая все вокруг, двинулся вдоль линии окопов.

Убитые были повсюду. Но среди трупов встречалось подозрительно мало командиров. Обычная история – кто-то стоит до конца, а кто-то при первой возможности «организованно отступает».

На командном пункте рейдовик не обнаружил никого: ни убитых, ни раненых. Порывшись на узле связи, он нашел запорошенный землей журнал боевых действий и несколько полевых карт. Журнал Монгол забрал себе, карты сжег.

Недалеко от КП, в жиденьком перелеске, он набрел на разбитую полевую кухню. Около прошитога осколками варочного котла валялся распотрошенный металлический ящик, в котором должна была храниться полковая казна. Ящик был пуст. Ничего не поделаешь: война войной, а деньги деньгами! Не поленился же кто-то в разгар боя, перед тем как бросить своих товарищей, обворовать их. За такие преступления по законам военного времени полагался расстрел на месте, но кто теперь найдет мародера, коли все свидетели мертвы!

Пошарив вокруг кухни, рейдовик собрал три банки консервов, погрызенную мышами буханку черного хлеба и полпачки соли, схватившейся в единый комок. Соль была редкостной добычей. На соль за линией фронта можно было выменять любые продукты, даже водку.

Сложив всю добычу в брезентовую сумку через плечо, Монгол решил еще раз осмотреть окопы. В одном месте он нашел брошенное противотанковое ружье и три патрона к нему. Немного поодаль, на дне окопа, валялся разбитый пулемет «максим». Убитых бойцов рядом не было.

«Как только взрывом опрокинуло пулемет, так оборона в этом месте захлебнулась. С ПТР вражескую пехоту не остановишь, а ручных пулеметов я что-то здесь нигде не встречал».

Перепрыгнув через окоп, Монгол пошел в сторону дальнего леса, откуда немцы начали свое наступление. Не успел он отойти на сотню метров, как с запада послышался гул сдвоенных авиационных моторов.

– «Рама»! – воскликнул он, и в ту же секунду из-за леса вынырнул низколетящий самолет-разведчик «Фокке-Вульф-189».

Падать и притворяться мертвым было бесполезно – пилот наверняка заметил одинокого воина. Теперь все зависело от задания летчика: если он шел дальше на восток, то рейдовик был в безопасности. Если же немец пришел осмотреть место недавнего сражения, то жизнь Монгола висела на волоске – пилоты люфтваффе любили попрактиковаться в стрельбе по наземной мишени.

Не раздумывая, рейдовик бросился назад, к окопам.

«Рама», заложив вираж над полем, пошла на боевой заход. В первый раз летчик, ударив по бегущей цели из двух пулеметов, промазал. Пули взметнули землю метрах в пяти от бегуна, не причинив ему никакого вреда.

Рейдовик спрыгнул в окоп у перевернутого пулемета. Сердце его стучало так, что готово было выпрыгнуть наружу. Воздуха не хватало. Пот слепил глаза. Руки подрагивали. Но Монгол умел сконцентрироваться в критической обстановке. Несколько раз глубоко выдохнув, он восстановил дыхание, приложил козырьком руку ко лбу и нашел в небе «раму». Заходя со стороны солнца, параллельно линии окопов, немецкий летчик вновь готовился атаковать его.

– Твою мать! – рейдовик едва успел упасть на дно окопа, как пулеметные очереди расшвыряли глину с бруствера над его головой.

– Нет, так дело не пойдет! Он меня теперь до ночи станет обстреливать, а потом, если патроны кончатся, бомбить начнет!

Приговаривая так, рейдовик поднял противотанковое ружье, подобрал с земли увесистый патрон, обер его о штаны, дослал в патронник. Валявшуюся на дне окопа балясину он перекинул через верх, сделав навесной упор для стрельбы. Теперь он мог стрелять из ПТР вверх, в сторону солнца, откуда, ревя двигателями, вновь заходил крылатый убийца.

Стрелять с земли в «Фокке-Вульф-189» – занятие бесполезное. Двубалочная конструкция фюзеляжа сбивает стрелка с толку: куда целиться, если посередине самолета дыра? Обычно, пока зенитчик наводил орудие на короткую гондолу между крыльями, «рама» успевала пройти вперед, и снаряды или пули летели позади кабины в пустоту. Но сейчас был другой случай – самолет шел, прижимаясь к земле, пилотская гондола визуально увеличивалась, пустота между балками в лобовой проекции исчезала.

Монгол упер приклад ПТР в плечо, проверил свободный ход курка. Как опытный стрелок, он задержал дыхание, до самого приближения самолета смотрел на дно окопа, берег четкость зрения. Когда, по его подсчетам, «рама» вошла в сектор обстрела, он вскинул голову, поймал в перекрестие прицела кабину и выстрелил.

Могучая пуля противотанкового ружья легко, играючи прошила насквозь пилотскую кабину, разворотила летчику грудь и вылетела с другой стороны кокпита. Некоторое время неуправляемый самолет летел на заданной высоте, потом, за дорогой, клюнул носом и врезался в болото. После удара «фоккер» развалился на части. В живых из экипажа не осталось никого.

– Мать его! – завопил Монгол. – Да я «раму» завалил!

Рейдовика захлестнула минутная эйфория: тело приобрело необычайную легкость, по жилам заструилась кипучая энергия – захотелось немедленно действовать, воевать и побеждать. Нервное напряжение сменилось плещущей через край радостью. Выскочив из окопа, Монгол погрозил кулаком в сторону упавшего самолета:

– Что, недоносок, понял, как воюют в Красной армии? Это тебе не по беженцам стрелять!

Внезапно во внешнем мире что-то изменилось. Еще ничего не поняв, повинувшись только инстинкту, подсказывающему, что наступает опасность, Монгол спрыгнул в окоп. Прислушался. Осмотрелся. Вроде бы ничего: в лесочке ветер шевелил листву; над полем, потрескивая крылышками, сновали стрекозы, в траве стрекотали кузнечики. На вспотевшее лицо пытались сесть комары. На солнце набежала тучка.

Безмятежность. Тихий летний день.

Но что-то в округе поменялось, что-то удерживало Монгола в укрытии минуту, пять, десять.

Вот оно! Из-за дальнего леса на дорогу выехал мотоцикл с коляской. За ним еще один. Следом крытый грузовик с солдатами и замыкающий колонну полугусеничный бронетранспортер.

Если бы ветер дул со стороны дороги, то рейдовик услышал бы шум моторов гораздо раньше, чем увидел колонну. А так техника появилась внезапно, и не сиди он в окопе, то наверняка попался бы в поле зрения пулеметчику с переднего мотоцикла.

– Какой черт вас сюда принес, ребята? – пробормотал рейдовик. – Уж не за моей ли «рамой» вы пожаловали?

Появление немецкой колонны нарушало все его планы – Монгол намеревался пробраться на место падения «фоккера» и по возможности забрать документы у убитых летчиков. Если ни документов, ни нашивок с формы пилотов достать не удастся, то рейдовик удовлетворился бы любой деталью с самолета, свидетельствующей, что он одержал победу в неравном поединке. Без вещественного доказательства никто бы не поверил, что разведчик-одиночка из случайно найденного ПТР смог сбить самолет.

Достав снайперский прицел, чуть-чуть высунувшись над бруствером, рейдовик стал наблюдать за непрошеными гостями.

Остановившиеся посреди дороги немцы заняли оборонительную позицию: два мотоцикла с пулеметами блокировали путь вперед, бронетранспортер прикрывал хвост колонны. Из грузовика высыпали солдаты. Закурили. Вид у них был беспечный. Никакого любопытства в сторону болота, где упала «рама».

«Ничего, подожду, – успокаивал себя рейдовик. – Передохнут солдатики и дальше поедут, а я к “раме” наведу. Только какого черта они встали посреди дороги, на солнцепеке? В лесу бы сподручнее было перекур организовать».

Завидев что-то, солдаты построились в две шеренги, привели себя в порядок. К колонне подъехал легковой автомобиль.

– Это что еще за явление свиньи в господский дом? Кого на сей раз принесло? – Монгол попытался рассмотреть звание вылезшего из автомобиля офицера, но не смог. Расстояние было слишком велико для его оптики.

Офицер осмотрел строй, дал солдатам указание проверить оружие и растянуться цепью вдоль дороги, лицом по направлению к окопам. Один из мотоциклистов развернул в сторону Монгола пулемет. Здорово смахивало, что немцы собираются прочесывать бывшее поле боя, но рейдовик был спокоен: пока солдаты дойдут до его позиции, он сто раз успеет ноги унести.

Минут через пять на дороге показалась колонна военнопленных, человек сто, не меньше. Сопровождали пленных всего четверо солдат с винтовками. Никто из бывших бойцов Красной армии не пытался бежать или нарушить строй. Никто не разговаривал между собой. Каждый из узников знал: за попытку побега одного казнят пятерых. За разговоры в строю – расстрел.

Бывшие красноармейцы безучастно и обреченно брели по пыльной дороге. На плечах у первой шеренги – багры, у последующих рядов – лопаты.

– Похоронная команда! – прошипел рейдовик. – Мать его, ни раньше, ни позже! Сейчас они разбредутся по всему полю и вытеснят меня в лес. Плакала моя «рама», не подобраться мне к ней! Останусь я, мать его, без заслуженной награды.

Немцы построили военнопленных длинной цепью вдоль дороги. По команде офицера похоронная команда двинулась вперед: вначале пленные с баграми – стаскивать убитых в ямы. За ними могильщики с лопатами. Следом пленные россыпью – собирать оставшиеся на поле боя оружие и боеприпасы. Замыкающими пошли немецкие солдаты с винтовками наперевес. Офицер, водители и мотоциклисты остались на месте.

Монгол почувствовал себя обворованным. Совсем рядом, в болоте, лежала «рама». Один отломанный от ее приборной панели кусочек сулил ему орден или медаль. К правительственной награде за сбитый двухмоторный самолет полагалась солидная премия. Почет. Уважение. И все это у него из-под носа увели какие-то тыловики. Обозники. Штрафники. (Любой фронтовик в похоронную команду идти побрезгует. Наводить на бывшем поле боя порядок – удел неудачников.)

Если бы Красная армия не отступала по 40–50 километров в сутки, то рейдовик ушел бы в лес и переждал там до вечера. Вечером немцы, воюющие строго по расписанию, к шести часам свернут все работы и уедут в расположение своей части ужинать. Вечером путь к «раме» будет свободен. Но, потеряв в ожидании целый день, рейдовик увеличивал расстояние, которое придется пройти на обратном пути. Погнавшись за трофеями, можно надолго погрязнуть во вражеских тылах, и тогда сведения, которые удалось собрать во время рейда, потеряют свою ценность.

Что поделать! Придется попрощаться с «рамой» и двигаться домой. Задание должно быть выполнено, а своевременное возвращение – это часть задания.

Под оклики немецких солдат похоронная команда медленно двигалась к Монголу. Рейдовик проверил амуницию, содержимое наплечной сумки, протер от пыли автомат. Неспешно вернулся к брошенному противотанковому ружью, зарядил его бронебойно-зажигательным патроном. Закинув ПТР на плечо, Монгол перешел на новую огневую позицию.

– Ну что, крысятники, держите плюху! – рейдовик прицелился и выстрелил в ближайший грузовик.

Пуля, совершенно случайно, попала в бензобак. Нагревшиеся на солнце пары бензина рванули с мощностью минометной мины. Оболочка бензобака разлетелась на куски. Стоявших спиной к грузовику солдат насмерть посекло осколками. Автомобиль сгорел дотла.

В наступившем хаосе пулеметчик с переднего мотоцикла не потерял самообладания. Он заметил, как над бруствером окопа сверкнуло пламя, и дал по этому месту длинную очередь. Но его запоздалая неприцельная стрельба не могла причинить вреда дерзкому бронебойщику. Монгол не собирался вести бой. Низко пригибаясь, он поспешил вдоль окопа к спасительной роще.

Через двое суток Монгол пересек линию фронта в обратном направлении. Результаты рейда он доложил в подробном рапорте. О собственноручно сбитом самолете «Фокке-Вульф-189» рейдовик не упоминал. Зачем? Все равно никто не поверит.

Глава 3

Профессор Прашкевич, известный ученый-физик, впервые видел Сталина вживую. Вождь Страны Советов сидел перед ним за своим рабочим столом и, словно не замечая постороннего в кабинете, аккуратно набивал трубку табаком. Мысли в голове профессора путались, скакали одна через одну:

«Будет что рассказать детям и внукам. У него на лице следы оспы. Зачем Сталин велел вернуть меня после совещания? Никого из академиков он не оставил, а меня...»

– Товарищ Прашкевич, – Сталин, не поднимая глаз на собеседника, раскурил трубку, бросил сгоревшую спичку в пепельницу, – сегодня на совещании все однозначно высказались, что электромагнитные лучи «Т»-диапазона нельзя использовать в военных целях. Вы предпочли отмолчаться. Вы что, не согласны с мнением своих коллег?

Отставив дымящуюся трубку в сторону, Сталин, прищурившись, посмотрел на гостя.

– Да, товарищ Сталин, не согласен, – чувствуя, что от напряжения стала кружиться голова, профессор оперся рукой на спинку ближайшего стула. Что дальше отвечать главе государства, Прашкевич не знал.

Сталин заметил, что ученый находится в предобморочном состоянии. Свободной рукой он указал профессору на место напротив себя, осведомился, не желает ли гость чаю.

– Расскажите мне, товарищ Прашкевич, все, что вы знаете о лучах Теслы, и поясните, почему вы считаете свои суждения верными, а мнение остальных ученых – ошибочным.

Чтобы не смотреть Сталину в глаза, но в то же время не показаться невежливым, Прашкевич стал рассказывать, сосредоточившись на третьей сверху пуговице кителя Верховного главнокомандующего.

– Никола Тесла действительно мог передавать электромагнитную энергию на расстояние. Еще в прошлом веке он неоднократно демонстрировал, как беспроводным способом зажигает электрические лампочки. Если не вдаваться в технические подробности, то выглядит это так, – профессор выставил перед собой руки с вытянутыми указательными пальцами. – Вот этот палец – провод с фазой «ноль» или «земля», а вот этот палец находится под напряжением, которое вырабатывает генератор. Если соединить пальцы, то контур электрической цепи замыкается, и по ней проходит ток. Если цепь разъединить, то движение тока прекращается, так как воздух электроток не проводит. Тесла с помощью своего аппарата смог не передавать ток на расстояние, а как бы заново генерировать его около фазы «ноль». Далее он стал развивать свое учение и неподвижную фазу «ноль» заменил лучом-приемником. Теперь схема выглядит так: функции этих рук не меняются, но они представляют собой невидимые лучи. Если лучом, передающим энергию, нащупать в воздухе луч, по которому она пойдет на фазу «ноль», то энергия станет перетекать по лучам.

– На каком расстоянии можно передавать энергию?

– Тесла утверждал, что расстояние для него значения не имеет. Но, я думаю, передача энергии возможна только в пределах радиогоризонта, то есть по 70–80 километров для каждого луча.

– А каким образом, если лучи невидимые, можно скрестить их? Как высчитать точку их пересечения?

– В военных целях точкой пересечения будет уничтожаемый объект. Например, самолет, – далее профессор рассказал Сталину, как под воздействием электрического поля внутри замкнутого металлического контура произойдет превращение электромагнитной энергии в тепловую. – В принципе ничего особенно сложного в создании аппарата, аналогичного индуктору Теслы, нет. Все в его учении о передаче энергии на расстояние материально и укладывается в существующие законы физики.

– Если, – усмехнулся Сталин, – создать аппарат по передаче энергии на расстояние так просто, то почему вы, товарищ Прашкевич, до сих пор его не создали?

Профессор, опустив голову, промолчал. Внутренне он уже приготовился к самому худшему, но Сталин не стал развивать неприятную тему.

– Как я понял вас, для передачи энергии нужны две антенны, которые потребляют много электроэнергии. Если бы вам, товарищ Прашкевич, на территории, подконтрольной нацистской Германии, довелось размещать эти антенны, какое бы место вы бы выбрали?

– Норвегию.

– Почему Норвегию? – в голосе Сталина впервые за время разговора почувствовалась заинтересованность. – Потому, что остальная территория Германии подвергается систематическим бомбардировкам?

– Нет, товарищ Сталин. Норвегию я бы выбрал из-за дешевой электроэнергии. В Норвегии полным-полно горных рек, на любой из которых можно в кратчайшие сроки построить гидроэлектростанцию необходимой мощности.

– Товарищ Прашкевич, есть у вас на примете человек, который бы по внешнему виду смог определить, что перед ним – антенны передатчика Теслы или муляж?

– Товарищ Сталин, – профессор как по команде вскочил со своего места, – я сам лично готов выехать в любую точку мира, куда вы прикажете. Мне одного взгляда будет достаточно, чтобы понять, настоящий это передатчик или его имитация.

– Товарищ Прашкевич, вы читали книгу о бравом солдате Швейке? Не берите с него пример. Не надо. Не надо показывать мне комсомольский задор. Я не для этого вас сюда вызвал.

Профессор пристыженно понурил голову.

– Никто, товарищ Прашкевич, не сомневается в вашей готовности выполнить любой приказ советского правительства. Но вы, – Сталин ткнул мундштуком трубки в сторону ученого, – вы не годитесь для выполнения задачи в тылу врага. Какой из вас разведчик, товарищ Прашкевич? Вам уже 63 года, вы страдаете одышкой. У вас избыточный вес. Вы много лет не поднимали ничего тяжелее портфеля с бумагами. Вы кабинетный ученый, ваше место за письменным столом, а не в поле, с вещмешком на плечах.

Сталин затащил трубку, но она успела потухнуть. Пришлось вновь раскуривать.

– Кого бы вы, товарищ Прашкевич, порекомендовали вместо себя?

– Игорь Якушев, мой аспирант. Ему 29 лет, физически развит. Занимался спортом. Сейчас он находится в действующей армии, где точно, не знаю.

– Расскажите мне о нем подробнее.

Сталин никогда не делал никаких пометок во время беседы. Его память была уникальна, безгранична. Единжды услышав о некоем аспиранте Якушеве, Сталин запомнил о нем все, что нужно: физик-практик, увлекался теориями Теслы, холост, из порядочной семьи.

Не прошло и суток, как лейтенант Якушев был отозван с фронта в Москву. Профессора Прашкевича, в целях соблюдения режима секретности, изолировали до конца войны. Прямо из кабинета Сталина его перевезли в один из закрытых институтов в Подмоскovie, где он в комфортных условиях смог продолжить свои научные изыскания.

Глава 4

При подходе немецких войск к Могилеву в июле 1941 года в городе прекратили работу все партийные и хозяйственные учреждения, заводы и фабрики. Всех мужчин, способных держать в руках оружие, мобилизовали и направили в части народного ополчения. Из личного состава могилевской милиции сформировали пехотный батальон.

На фоне наспех сколоченных и необученных частей народного ополчения батальон милиции смотрелся очень даже неплохо: во-первых, все бывшие сотрудники милиции владели навыками стрельбы из огнестрельного оружия, были дисциплинированными, привыкли выполнять поставленную задачу. Во-вторых, на линию фронта милицейский батальон прибыл в собственном форменном обмундировании и с собственным табельным оружием. И, в-третьих, что немаловажно для боевой слаженности, бойцы и командиры батальона хорошо знали друг друга по прошлой работе.

При формировании милицейского батальона Николаю Егоровичу Лоскутову, бывшему заместителю начальника могилевского уголовного розыска, досталась должность командира взвода. 11 июля 1941 года ему исполнилось 35 лет. Свой юбилейный день рождения Лоскутов встретил на передовой, в двадцати километрах от родного города.

В этот день, сразу же после общего утреннего построения, Лоскутова вызвал к себе начальник штаба батальона Филиппенко. Поздравив сослуживца с днем рождения, Филиппенко велел ему взять двух бойцов и направиться в Могилев, на гарнизонный склад, для получения дополнительного сахарного довольствия на весь батальон.

– Александр Николаевич, – нахмурился Лоскутов, – может, сейчас не время для сахара? Если немцы сегодня начнут наступление, то я хочу их встретить со своими бойцами в окопах, а не в очереди за мармеладом. Давайте, я вместо себя кого-нибудь из сержантов в город пошлю?

– День рождения у тебя, значит, в город пойдешь ты. Этот вопрос решенный и не обсуждается, – отрезал Филиппенко. – Слушай далее: после того как вы получите сахар, бойцы вернутся в расположение части, а ты, Николай Егорович, останешься в городе. Вот тебе увольнительная до завтрашнего утра.

– Ничего не понимаю! – озадачился Лоскутов. – С каких это пор в день рождения стали увольнение давать?

Вместо ответа начальник штаба выложил перед ним тощую пачку писем в самодельных конвертах. Штамп военной цензуры на конвертах не было.

Вывозить с фронта письма, минуя цензуру, было уголовным преступлением, приравненным к разглашению государственной и военной тайны. Поручить тайную доставку корреспонденции с передовой в тыл можно было только проверенному и испытанному в деле товарищу. Лоскутов таким был. Ему доверяли.

– Коля, здесь письма только наших, с горотдела. Сам понимаешь, не сегодня, так завтра немец поперет в наступление, и тогда... Словом, Коля, в этих письмах самое сокровенное, что только есть на душе. Кто-то в них кается, а кто-то признается в запоздалой любви. И никто, Коля, никто не хочет, чтобы эти интимные послания попали в руки цензоров.

Лоскутов молча спрятал письма во внутренний карман гимнастерки.

– Слушай далее, – продолжал Филиппенко, – письма передашь адресатам лично в руки. Если кого не застанешь дома – письмо уничтожь, сожги. Никаких почтовых ящиков, никаких соседей. Сам понимаешь, время сейчас такое, что никому нельзя доверять. И еще, если попадешься комендантскому патрулю и будут обыскивать, скажи, мол, нашел конверты на дороге и решил их, как бумагу, пустить на курево.

– Я не попадусь, – заверил Лоскутов. – Сахара-то много получать?

– По 20 граммов на человека. Меньше пуда. Два бойца в сидорах донесут.

До Могилева команда Лоскутова добралась на попутной машине. Город встретил их пустынными улицами, заколоченными фанерой окнами домов, баррикадами посреди улиц. Расклеенные по всему городу плакаты призывали: «Превратим Могилев во второй Мадрид!» Как там было в Мадриде, во времена гражданской войны в Испании, никто не знал, но ничего хорошего для горожан такие плакаты не предвещали.

Недалеко от железнодорожного вокзала бывшим милиционерам повстречалась колонна бойцов народного ополчения. Новоявленные защитники города были одеты и обуты кто во что горазд, в форме был только возглавляющий колонну офицер. Передние ряды ополченцев были вооружены винтовками Мосина образца 1891/1930 годов. Средние ряды несли на плечах лопаты и кирки. Замыкающие колонну шли с одними вещевыми мешками. Ни винтовок, ни лопат для них не нашлось.

Над городом, описывая широкие круги, парила одинокая «рама». К ежедневному визиту немецкого самолета-разведчика все привыкли и перестали обращать на него внимание. Обычно, осмотрев город и его окрестности, «рама» улетала, выбросив напоследок сотни листовок.

Немецкими листовками город был просто усеян: они лежали на газонах, крышах домов, забивались в штукетины заборов и ставни домов частного сектора. Содержание листовок было однообразным: «Солдаты Красной армии! Не верьте своим комиссарам-жидам! Они из страха перед азиатом Сталиным и его еврейской камарильей гонят вас на убой. Еще никто не смог противостоять натиску доблестной германской армии. Вермахт непобедим!» И все в таком духе. Заканчивалась каждая листовка призывом сдаваться в плен. На обороте листовки, на русском и немецком языках, было напечатано: «Пропуск. Предъявитель сего добровольно сдается в плен немецкой армии».

Бумага, из которой были изготовлены листовки, на передовой пользовалась спросом: из нее скручивали сигарки, разжигали костры, за неимением ветоши протирали оружие. Некоторые, эстетствующие интеллигенты, еще не огрубевшие от фронтовой жизни, использовали продукцию доктора Геббельса в гигиенических целях. Словом, листовки можно было подбирать и хранить, но при одном обязательном условии – каждая листовка должна была быть порванной на четыре части. Целая листовка-пропуск свидетельствовала о намерении сдаться в плен. Порванная листовка считалась обычной бумагой.

Привокзальная площадь Могилева была пуста. Железнодорожное сообщение не работало. Само здание вокзала, с заклеенными крест-накрест окнами, производило тягостное впечатление. Чувствовалось, что ему недолго осталось стоять с целыми стенами.

И еще: в городе встречались мужчины и женщины, старики и старухи, но не было ни одного подростка – ни парня, ни девушки.

На гарнизонном складе, представляющем собой просторный сарай, Лоскутов с бойцами занял место в очереди на получение довольствия. Очередь не двигалась, так как начальник гарнизонного склада, сержант-кавказец, вел спор со смуглолицым старшим лейтенантом. За спором присматривал, но не вмешивался в него майор-артиллерист. Глядя на майора, самого старшего по званию, помалкивали остальные.

– Не было у вас, товарищ старший лейтенант, никакой соли при задержании! – складчик старался сохранять спокойствие, но ему это плохо удавалось. – Вот ведомость принятого имущества. Что здесь? Автомат ПППШ, патроны, нож, пистолет, банка консервов – все вам возвращено. Но соли здесь никакой нет, и никогда не было!

– Да плевать я хотел на твою обезьянью бумагу! – горячился смуглый незнакомец. – Была у меня соль. Полпачки было! Где она? Прикарманил, паскуда? Пропить хочешь?

Спорщики хаотично перемещались вокруг стола начальника склада, яростно жестикулировали. Понаблюдав за их хороводом, Лоскутов понял, что старлей с раскосыми глазами «шор-

кает» складчика, «забалтывает» его, точно так же, как опытный вор-карманник забалтывает в базарной толкучке богатого заезжего простачка.

«Интересно-то здесь как, в кино ходить не надо!» – подумал Лоскутов.

Майору нескончаемое препирательство надоело, и он крикнул:

– Монгол, хватит уже! Пошли в управление. Я тебе нашей соли насыплю.

Вдалеке послышался нарастающий гул сдвоенных моторов «рамы».

– Да на хрена мне ваша соль нужна, когда у меня своя была! – выкрикнул Монгол, но последние слова его потонули в грохоте взрыва. Вволю налетавшись над городом, «рама» пошла домой, попутно сбросив единственную бомбу где-то рядом со складом.

Деревянный сарай здорово трянуло. С потолка посыпались ошметки дранки и пакли, поднялась пыль. В дальнем конце склада с треском лопнула стойка стеллажа.

Воспользовавшись моментом, Монгол одним неуловимым движением вытащил у складчика из кобуры пистолет и бросил его в свою наплечную сумку. Отряхивающийся от мусора сержант ничего не заметил. Лоскутов, ожидавший развязки, видел все.

Похитив ствол, Монгол сделал вид, что смирился с потерей соли. Горестно вздохнув, он расписался в ведомости и вышел из склада. Майор последовал за ним. Лоскутов не стал вмешиваться в происходящее. Ни к чему время терять. Еще письма разнести надо.

С уходом скандалиста очередь пошла быстрее. Но, когда до заветного стола Лоскутову оставалось сделать пару шагов, в склад ворвался комендантский патруль.

– Кто начальник склада? – грозно спросил лейтенант, начальник патруля.

– В очередь встань! – велел хамоватый складчик, в суете не рассмотревший красных повязок на рукавах.

– Ты сейчас у меня сам в очередь встанешь! – начальник патруля вплотную подошел к складчику. – Документы!

Перепуганный сержант дрожащими руками достал книжку красноармейца. Лейтенант бегло изучил ее, сверил фотографию с оригиналом.

– Где ваше личное оружие, сержант Мовсисян?

Складчик привычным жестом хлопнул по кобуре и побелел. Утрата оружия в военное время – расстрельная статья.

В поисках пистолета начальник склада открыл выдвижной ящик стола, увидел там нечто, поразился до глубины души и замер, как парализованный.

– А ну, в сторону! – приказал лейтенант. – Что ты здесь прячешь?

В столе оказалась целехонькая немецкая листовка-пропуск.

– К фашистам намылился, гад? Ждешь не дожدهшься, когда твои хозяева в город войдут?

– Да я... – залепетал складчик.

Но офицер жестко оборвал его:

– Молчать! Солдаты, арестовать изменника Родины и доставить в комендатуру!

– Товарищ лейтенант! – запротестовали конвойные. – На кой черт с этим холуем фашистским через весь город таскаться? Начнут немцы обстрел, он же сбежать сможет! Давайте его за сарай отведем, да там и порешаем.

– И то верно! – согласился старший патруля. – Пошли, иуда! Настал твой час.

Лишившись начальника, личный состав гарнизонного склада категорически отказался работать. Мол, начнем без нового начальника выдавать продукты – сами под статью угодим. Все, шабаш, ребята, склад закрыт!

Очередь разошлась. Лоскутов остался. Он не привык бросать начатое на полдороге.

Не обращая внимания на протесты солдат-кладовщиков, Николай Егорович велел своим бойцам вскрыть ближайший мешок с сахаром, насыпать полные сидора и возвращаться в часть. Его приказание было исполнено.

Проводив сослуживцев до ближайшей развилки, Лоскутов отправился по адресам. Везде его ждал практически одинаковый прием: вначале испуг, настороженность в глазах, потом слезы.

– Господи, как вы там? Прости, Коля, что вначале не разобрала, зачем ты пришел. Думала, все, похоронку принес! Коля, подождешь немного? Дай я ответ напишу. Возьми гостинец. Папиросы передай. Коля, там на деньги ничего купить нельзя? Хлеба-то вам хватает?

Николай Егорович отработал в милиции всю жизнь и считал себя человеком с крепкой, закаленной психикой. Зря считал. К концу дня от слез и причитаний он так морально и физически вымотался, что напрочь забыл и о собственном дне рождения, и о том, что в мире вообще существуют какие-то добрые, светлые праздники.

В прошлом остались праздники. Впереди только слезы.

С такими невеселыми размышлениями Лоскутов незаметно для себя вышел к зданию могилевского управления милиции. После мобилизации всех сотрудников здание пустовало.

– Прощаешься с бывшим местом работы? – спросил кто-то сзади.

Николай Егорович не стал оборачиваться. Он узнал голос дерзкого старлея с раскосыми глазами. Как его звали? Как-то же причудливо. Монгол. Не имя, а кличка какая-то.

– Второй этаж, третье окно слева – мой кабинет, – сказал Лоскутов.

– Приглашаешь зайти? Скажи лучше, там, на складе, ты наблюдал за мной из профессионального любопытства или как?

– Я понял, что ты хочешь что-то стегануть у складчика, только не мог догадаться, что именно. Тебе не жалко его? Все-таки он наш, советский человек.

Лоскутов повернулся к собеседнику.

– Наши, советские люди, соль у товарищей не воруют, – рейдовик сплюнул в придорожную пыль. – Скажи мне как бывший мент, зачем складчику мои полпачки соли, если у него этой самой соли не один мешок? Не знаешь? А я знаю – это инстинкт воровать все, что плохо лежит. В военное время такой инстинкт лечится пулей. Другого лекарства еще не изобрели.

Монгол достал трубку, повертел в руках, но закуривать не стал.

– Забудь о том, что видел на складе. Это не твое дело. Не лезь в него.

– Честно говоря, даже не собирался.

– Тогда бывай, дружище! – рейдовик хлопнул Николая Егоровича по плечу. – Как знать, может, еще свидимся.

Ощувив душевную пустоту, Лоскутов решил залить ее водкой, но магазины не работали, и пришлось идти к знакомой бабке-самогоннице. Купив две бутылки первача, Николай Егорович дошел до городского рынка взять закуски, но крестьяне из окрестных деревень заламывали за продукты такие цены, что у Лоскутова хватило денег только на маленький кусочек сала и полбулки черного хлеба.

Теперь перед ним встал вопрос: с кем и где выпить. Но никого из друзей в городе у Лоскутова не осталось: все были или на фронте, или в эвакуации, или неизвестно где. Распивать спиртное с кем попало не хотелось. Поразмышляв, он пошел на выезд из города – ловить попутную машину на передовую.

12 июля 1941 года немцы начали штурм Могилева. В первых же боях батальоны народного ополчения были практически полностью истреблены механизированными частями вермахта. От милицейского батальона в живых осталось только несколько человек. Вместе с частями 61-го стрелкового корпуса они отступили с занимаемых позиций в Могилев, где были окружены противником. Несколько суток в городе шли уличные бои. В ночь на 26 июля остатки советских войск, защищавших Могилев, смогли вырваться из окружения. Чудом уцелевший в могилевской мясорубке Николай Лоскутов покидал город в числе последних.

Глава 5

8 апреля 1944 года на совещании в кабинете Сталина присутствовали Георгий Маленков, секретарь ЦК ВКП(б), ведавший кадровыми вопросами; начальник Генерального штаба РККА маршал Василевский, начальник разведывательного управления Генштаба РККА генерал-лейтенант Ильичев. Все приглашенные разместились за столом для совещаний: военные – с одной стороны, Маленков – напротив. Сталин, в мягких кавказских сапогах, бесшумно прохаживался за спинами генералов. Ильичев, с раскрытой папкой в руках, стоя зачитывал доклад. Со стороны было похоже, что начальник советской военной разведки докладывает Маленкову, а Сталин вообще не участвует в совещании.

– В 1908 году в интервью газете «Нью-Йорк таймс» Никола Тесла заявил, цитирую: «Энергетические установки, под действием которых любая область земного шара может быть превращена в непригодную для проживания, можно построить уже сейчас». Естественно, никто не воспринял сказанное им серьезно, так сказать, в практическом смысле слова. Еще раз к теме оружия невиданной мощности Тесла вернулся сразу же после начала Первой мировой войны. Тогда он публично заявил, что не за горами создание такого энергетического оружия, которое будет способно одним ударом уничтожить одну или несколько армий противника. Все, больше он, до самой смерти, о создании оружия, основанного на новых физических принципах, не говорил.

– Не говорил, – недовольно пробурчал Маленков, – совершенно не значит, что не работал над созданием такого оружия.

– У нас нет никаких, ни малейших сведений о том, что Тесла создал оружие, работающее на лучевой энергии, либо был близок к созданию такого оружия. А что до его хвастливых высказываний, то он как-то заявил, что взрыв Тунгусского метеорита – это на самом деле его рук дело.

– Вы, товарищ Ильичев, сейчас пытаетесь убедить нас, что в ситуации с лучевым оружием держали все под контролем. Но ведь это не так, – Сталин подошел к своему столу, выбил давно погасшую трубку о пепельницу. – Вы контролировали конечный результат и упустили саму возможность работ над таким оружием. Предположим, что генератор лучей «Т»-диапазона уже построен и находится в опытной эксплуатации. Что, по-вашему, генератор в экспериментальном виде не является оружием? Кинжал, который выковал мастер, даже без ножен и рукоятки является опасным оружием.

– Товарищ Сталин, – вступился за подчиненного Василевский, – если бы Тесла вел работы по созданию лучевого оружия, то это было бы известно в американских военных кругах.

– Не факт, – вставил Маленков.

– После смерти Теслы, – не обращая внимания на реплику второго человека в партии, продолжал Василевский, – американцы не нашли никаких материалов о его работах по созданию лучевого оружия.

– Не нашли! – Сталин ткнул мундштуком трубки в сторону военных. – После его смерти вообще ничего не нашли, никаких архивов. Вся жизнь он занимался изобретательством, имел множество патентов, но после его кончины вдруг оказалось, что после 1934 года Тесла ничего нового не изобрел. Он что, бездельничал чуть ли не целое десятилетие? Голубей в парке кормил да в бильярд по вечерам играл? Это чепуха, товарищ Василевский! Вся жизнь Тесла работал не покладая рук, и он просто физически не мог остановиться на половине пути.

Сталин покосился на коробку папирос, но в присутствии посторонних закуривать не стал, приходилось поддерживать годами созданный образ профессионального революционера. А удел курящего революционера, многократно побывавшего в царской ссылке, – это или вуль-

гарная самокрутка, или дешевая курительная трубка. Папиросы в ссылке покупать не на что, а трубку в случае необходимости можно и табаком от окурков набить.

Но ссыльные времена давно прошли, и Сталину хотелось затянуться «Герцеговиной флор». От трубки сегодня что-то горчило во рту.

– Вся жизнь Теслы в Америке, – продолжил Сталин, – это цепь провокаций против него со стороны империалистического англо-саксонского истеблишмента. Американские капиталисты не могли позволить себе, чтобы ученый-иммигрант сербского происхождения создал оружие, которое сделает бессмысленным тысячи самолетов и сотни кораблей. Если бы такое оружие появилось, то все американские финансово-промышленные корпорации, зарабатывающие сейчас на поставках обычных вооружений миллионы долларов, попросту бы остались без барышей.

Сталин прошел за свое место, велел принести чаю.

– Когда Тесла начал работать над лучевым оружием, мы не знаем. Но можем предположить и, основываясь на фактах, сделать определенные выводы. Итак, о чем говорят факты? В 1895 году дотла сгорает лаборатория Теслы в Нью-Йорке. В огне гибнут весь его архив и все приборы, на разработку которых он потратил несколько лет. Причина пожара – поджог. Лишившись плодов многолетних исследований, Тесла не унывает. Он назло завистникам заявляет, что в состоянии восстановить весь архив по памяти. И восстанавливает. Далее он уезжает от врагов и конкурентов в глушь, в штат Колорадо, где проводит серию опытов по передаче энергии на расстояние. В 1903 году он строит свою знаменитую башню «Уорденклифф» и раздает интервью, что способен создать оружие невиданной мощности. Как только он заговорил об оружии, так на него тут же начинаются гонения. Под прессом американского правительства промышленник Морган, финансировавший его исследования, прекращает помощь. Работы в башне приостанавливаются. В 1917 году президент США приказывает взорвать башню Теслы. С этого времени между Теслой и американскими властями контакты прекращаются.

Помощник-грузин внес поднос с чаем. Поставил стакан в подстаканнике перед Сталиным, бесшумно удалился.

– Когда у Теслы сгорела лаборатория, ему было около сорока лет. Он был относительно молод и, вполне возможно, хранил результаты своих исследований в голове. Но в тот год, когда у него взорвали башню, Тесле уже было за шестьдесят. Он должен был, в силу своего возраста, делать какие-то пометки, вести научные дневники, но ничего этого нет!

– Архив Теслы могли украсть немцы, – по тону, каким Маленков сделал это предположение, Василевский догадался, что вопрос об архивах уже обсуждался среди высшего руководства партии и государства. Что же, он был готов к такому развитию событий.

– Если архив Теслы был, могли его немцы украсть? Могли, – Сталин отхлебнул чаю, откашлялся. – Товарищ Ильичев, вы свободны. Материалы оставьте у Поскребышева.

– Товарищ Сталин, – Василевский поднялся с места, – разрешите доложить план разведывательных мероприятий в отношении немецкого секретного объекта в районе населенного пункта Намсус. Кодовое название плана «Посох Тора».

– «Посох Тора»? – насторожился Сталин. – Почему посох? Товарищ Василевский, как вы себе представляете древнескандинавского бога Тора?

– Пожилой такой мужчина, – слово «старик» Василевский сказать не решился, – с бородой. Одет в тогу через плечо. Посох, сандалии на босу ногу...

«Приеду, того, кто придумал такое название, на куски разорву», – решил для себя начальник Генштаба.

– Товарищ Василевский, – улыбнулся Сталин, – судя по вашему описанию, бог Тор очень похож на товарища Калинина, только без очков. Бог Тор, товарищ Василевский, – это физически очень крепкий молодой мужчина. Оружие его – не меч, не пика, а молот. Вы представ-

ляете, как должен выглядеть воин, сокрушающий своих врагов молотом? Представили? А вы ему посох!

– Виноват, товарищ Сталин! Название исправим.

– Название не исправим, а сократим. Назовем операцию короче – «Посох». Нам понятно, о чем идет речь, а остальным знать происхождение названия ни к чему.

– Разрешите продолжать, товарищ Сталин? Разведку объекта «Посох» мы планируем провести силами дальней авиации и флота. Как запасной вариант оставляем проведение наземной разведывательной операции. Временный штаб по руководству операцией «Посох» будет дислоцирован в Мурманске.

После ухода Василевского Сталин закурил папиросу, с наслаждением затянулся.

– Прохлопали архив Теслы! – уверенно, как о свершившемся факте, заявил Маленков.

– Может, прохлопали, а может, и нет, – философски заметил Сталин. – Возьми проведение операции под личный контроль.

– Кадровые решения принимать будем?

– Ограничимся выговором по партийной линии. Чтоб жирком не обрастали. Василевскому – устное замечание... Георгий, ты только представь дедушку Калинина с молотом. С пудовым!

Соратники озорно засмеялись. Дела на фронтах и в государстве шли успешно. Было от чего пребывать в хорошем расположении духа.

Глава 6

Прорвавшись с боями из осажденного Могилева, стрелковый полк, к которому прибилсь Николай Лоскутов, был отведен в район Смоленска, где вновь вступил в бой и был разгромлен в течение суток. С отступающими частями Красной армии Лоскутов дошел до Подмоскovie. В сентябре месяце, когда в полосе действия 13-й армии наступило временное затишье, в штабах стали наводить порядок и с удивлением обнаружили, что командир пехотного взвода в 307-й стрелковой дивизии Лоскутов Н.Е. вовсе не военнослужащий, а бывший сотрудник милиции, формально к армии отношения не имеющий. Данная оплошность была немедленно исправлена: Лоскутову присвоили воинское звание лейтенант и поставили на все виды довольствия. Денежное содержание с момента мобилизации и до внесения в списки действующей армии выплачивать не стали. Не положено.

В декабре в составе той же 13-й армии Лоскутов участвовал в Елецкой наступательной операции, был тяжело ранен и отправлен в тыл на лечение. В мае 1942 года, направляясь к новому месту службы, он побывал в Москве, где познакомился с вдовой своего бывшего командира. Двадцатишестилетняя Дарья приняла Николая как родного. Три дня он прожил у нее.

В начале июня лейтенант Лоскутов прибыл на Волховский фронт, в распоряжение 2-й Ударной армии, от которой боеспособными остались только две стрелковые дивизии. Сама армия была окружена и уничтожена еще весной, во время проведения Любанской наступательной операции. Командующий армией генерал-лейтенант Власов сдался в плен и перешел на сторону врага.

Несмотря на провал зимне-весенней операции по деблокированию Ленинграда, командование Красной армии решило повторить прорыв на более узком участке фронта: от поселка Гайтолово, вдоль Ладожского озера на Синявино, и далее, через Московскую Дубровку, на соединение с войсками Ленинградского фронта.

19 августа 1942 года войска Волховского фронта пошли в наступление и завязли в боях в районе станции Мга. 8 сентября в прорыв была брошена 2-я Ударная армия. Вернее, то, что от нее осталось.

Не прошло и месяца с момента летнего наступления, как история с трагедией 2-й Ударной армии повторилась. Все войска, принимавшие участие в Синявинской наступательной операции, были отрезаны от основных сил и уничтожены.

Полк, в котором сражался Лоскутов, в первом же сражении был смят наступающим противником и рассеян. Сам Николай Егорович в составе сборной группы бойцов под командованием батальонного комиссара Сергиенко отступил на юг, к болотам у реки Мойка. На третий день отступления группа Лоскутова оказалась в ловушке – авангард отряда уперся в болото, простиравшееся на километры налево и направо.

Бегло проведенная проверка показала, что болото непроходимо, но через него в глубь топей ведет узкая бревенчатая гать. Посылать по гати разведчиков не было времени – немцы поджимали. Посоветовавшись с командным составом в лице лейтенантов Лоскутова и Горелова, комиссар принял решение двигаться вперед.

Стояла середина сентября. Утро. Перед отрядом Сергиенко – топкое болото, за спиной – чистое поле. Где-то там, в глубине полей, уже рыскали в поисках отступающих красноармейцев немецкие мотоциклисты-разведчики. Если стоять на месте, то не пройдет и часа, как они обнаружат бойцов Сергиенко, обстреляют с дальней дистанции и вызовут основные силы – пехоту на бронетранспортерах и грузовиках. Принимать бой малочисленным плохо вооруженным отрядом – самоубийственно. Отступать – только в болото.

Болото представляло собой огромное залитое мутной водой поле. Слой воды в нем местами достигал метра, но в основном был не выше сапога. Под водой – зыбкая топь, тря-

сина, которая засасывает все живое, что попадает в нее. Самостоятельно выбраться из трясины невозможно. Человек, плашмя упавший в болото, тонет в жиже практически мгновенно. Вертикально слетевший с гати боец до полного погружения может трепыхаться пару минут.

Кое-где на болоте возвышались островки суши, поросшие одинокими березами и ивняком. Некоторые островки были совершенно сухими, на других почва под ногами чавкала и хлюпала.

Над поверхностью болота, монотонно гудя, висели тучи комаров и мошек. Воздух был пропитан тошнотворными миазмами. Было душно. От ядовитых испарений легким не хватало кислорода.

Неизвестно кем и для чего настеленная бревенчатая гать извилисто шла от островка к островку. Некоторые участки гати проходили под водой.

Лоскутов вступил на «тропу смерти» в середине колонны. Сергиенко остался прикрывать отход.

Сделав первый шаг на гуляющий под ногами настил, Лоскутов сдернул с плеча винтовку и стал использовать ее в качестве палки. Идти приходилось очень осторожно, мелкими шажками, перенося тяжесть тела с места на место только после нащупывания ведущей ногой твердой опоры.

Кровососущие насекомые препятствовали движению: они липли к лицу и шее, жалили и кусали, старались забиться в рот и нос. Отогнать комаров от себя не было никакой возможности – размахивать руками на танцующей скользкой гати было смертельно опасно.

Сколько времени Николай Егорович шел по настилу, ничего, кроме гати, перед собой не видя, он не знал. Какое расстояние прошел – не ведал. Но путь сквозь трясины показался ему бесконечно долгим, нереально растянутым во времени и пространстве.

В какой-то момент, почувствовав, что силы оставляют его, Лоскутов сел передохнуть на небольшом островке размером меньше комнаты в коммунальной квартире. Рядом с ним примостился красноармеец Лукин, хитрый белорусский мужичок лет пятидесяти. До войны Лукин как-то был связан с лесом: то ли работал лесником, то ли варил в лесной чащобе самогонку, то ли браконьерствовал – словом, в природе он разбирался.

– Лука, – Лоскутов откинулся на землю, прикрыл глаза, – сколько мы прошли? Километров пять будет?

Белорус засмеялся.

– Бог с тобой, Николай Егорович! Пять километров! Дай-ка, гляну, – за неимением своих, он посмотрел на наручные часы Лоскутова. – Мы шли всего час тридцать. Прошли, если мерить напрямую, не больше версты. Это болото, Николай Егорович! В нем время течет медленно, а расстояния скрадываются водой.

– Лука, скажи, почему такая фигня: меня всего искусаи, аж морда опухла, а тебя хоть бы одна тварь цапнула?

– Тут вот какое дело, Николай Егорович, – Лукин ловко скрутил «козью ножку», прикурил, – у меня кровь ядовитая.

– Чего, чего? – Лоскутов приподнялся с земли, отобрал у земляка самокрутку, пару раз глубоко затянулся.

– Кровь, говорю, у меня ядовитая. Если какой комар моей крови напьется, то махом копыта отбросит. С детства так. Особенность организма. Как в 10 лет самогонку в первый раз попробовал, так комары кусать перестали.

В начале гати застучал пулемет «максим», защелкали винтовочные выстрелы.

– Все, нагнали нас немчики, теперь покоя не будет.

– Немцы в болото не сунутся, – Лоскутов вернул сигарку товарищу. – Сегодня они кордон у гати поставят, а завтра «раму» на разведку пришлют. Ну, встаем! Пошли дальше, тину месить.

К вечеру красноармейцы остановились на большой сухой поляне посередине болота. По краям поляны росли деревца, в центре пробивался родничок. Порубив на дрова чахлые березки, солдаты разожгли костры, поставили кипятить воду на чай. Дым от костров разогнал мошкар. Стало по-домашнему уютно.

– Райское местечко! – решили все, кто добрался до поляны. А добрались далеко не все.

В перестрелке с мотоциклистами было убито шесть красноармейцев, один тяжело ранен. Его оставили на милость победителю. Нести раненого с собой, через гать, не было никакой возможности. Два бойца утонули при переходе. Три человека пропали без вести (скорее всего, воспользовавшись суматохой, спрятались в кустах и остались дожидаться немцев).

Вечером, при свете костра, командир отряда устроил военный совет.

– Подведем итоги, товарищи, – обратился он к Горелову и Лоскутову. – В наличии мы имеем: офицеров, включая меня, – три человека, сержантов и красноармейцев – 36. Пулемет ручной – один, без боеприпасов. Запасов продовольствия на четверо суток. Если будем экономить, то растянем на неделю.

– Товарищ комиссар, как вы предлагаете экономить? – Лоскутов ткнул пальцем в сторону солдат, сушивших вещи у костра. – Сейчас каждый боец сам за себя, никто свою пайку в общий котел не отдаст. Своя рубашка ближе к телу.

– Коля правильно говорит, – поддержал Горелов. – Общего запаса продовольствия у нас нет, а если попробуем его создать путем реквизиции, то...

Офицеры помолчали. Любая попытка сгрести остатки пайков в общий котел могла закончиться неповиновением, последствия которого трудно предсказать.

– Пока отступали, я пригляделся к бойцам, – Лоскутов говорил вполголоса, так, чтобы его могли слышать только офицеры. – У нас есть красноармеец Рочев, бывший уголовник. Причем, судя по наколкам, очень авторитетный уголовник.

– Что поделаться, – вздохнул комиссар, – при мобилизации брали всех подряд. В анкеты не смотрели, не до того было.

– Сейчас рядом с ним постоянно крутятся Чакиев и Светлов, тоже судимые, – продолжал Лоскутов. – Эта троица явно что-то замышляет. Сдается мне, они для нас сейчас большая опасность, чем немцы.

– Внутренний враг всегда опаснее, – согласился Сергиенко.

– По-моему, эти трое только и ждут повода, чтобы поднять бунт, перебить всех несогласных и сдать врагу. Уголовники, они ведь свою шкуру ценят дороже всего на свете.

– Вы думаете, все так серьезно?

– Пока – нет. Как только лягушек начнем жрать, тогда они нам в спину и вдарят.

– Что же, у нас остается один выход – завтра начать искать продолжение гати. Ведь кто-то же ее проложил до этого островка. Какой-то же смысл был проделывать дорогу сквозь болото.

– А если, – пессимистично предположил Горелов, – гать проложили до сего места, а потом плюнули на нее и не стали дальше мостить?

– Завтра, – отмахнулся комиссар. – Все проверим завтра! Ты, Николай Егорович, приглядывай за Рочевым. Ты у нас специалист по уголовникам, тебе и карты в руки.

Перед сном Лоскутов подозвал земляка.

– Пока я сплю, от меня не отходи ни на шаг. Под утро поменяемся местами.

– Этих опасаться? – Лукин кивнул в сторону компании Рочева. – Я тоже им не верю.

Лоскутов расстелил на земле шинель, свернулся калачиком и уснул. Браконьер-белорус, с винтовкой на коленях, бдил до восхода солнца.

Батальонный комиссар Виктор Андреевич Сергиенко был перед войной инструктором райкома комсомола, учил подрастающее поколение преданности делу партии и Советского правительства. В людях с криминальным прошлым Сергиенко не разбирался, опыта работы

с ними не имел. Об эффекте перемены лидера в «замкнутом пространстве» даже не догадывался.

Лоскутов же, по роду службы, прекрасно знал, что в любом обособленном от остального мира коллективе жизнь идет по своим правилам.

В окружении врагов, на болоте, власть командиров среди солдат постепенно утрачивает свою силу. Безысходность положения требует появления нового, авторитетного и инициативного лидера. Судя по всему, таким лидером решил стать Рочев.

Утром, как только над островком развеялся туман, к Лоскутову подошел Горелов.

– Коля, ну его на хрен, бери командование в свои руки! Коля, ты сам видишь, наш комиссар не командир, а тряпка. Ему бы в детском саду воспитателем работать, а не солдатами командовать. Коля, или мы возьмем рочевскую шайку за горло, или за горло возьмут они нас.

– Комиссара пока менять не будем, но на путь истинный его наставим. Рано еще нам в открытое противоборство вступать. Скажи лучше, сколько у тебя надежных людей?

– Ни одного. Здесь все из других батальонов, так что я никого толком не знаю.

– У меня двое. Земляки. Пойдут за мной в огонь и воду. Еще ко мне жмутся два еврея. Этим, сам понимаешь, сдаваться нельзя, их немцы даже в лагерь для военнопленных не поведут, тут же, у гати, расстреляют. Итого, нас семеро. Теперь давай прикинем, сколько против нас. Рочев, Чакиев, Светлов. Три солдата-кавказца сто процентов с ними, вернее, с Чакиевым, куда он – туда и они. Итого, их шестеро. Пока силы примерно равны.

– А дальше?

– А дальше все будет зависеть от того, к кому примкнут остальные бойцы. Ты заметил, что этой ночью наши уголовники ни одного сидора не обчистили? Каждую ночь воровали, а тут притихли. Репутацию порядочных парней себе создают.

Лейтенанты не стали посвящать комиссара в свои разговоры. По совету Лоскутова Сергиенко построил весь личный состав и каждому определил задачу на день: часть людей была направлена искать продолжения гати, часть занялась рубкой дров и обустройством временного лагеря.

– Виктор Андреевич, – наставлял комиссара Лоскутов, – пока солдаты хоть чем-то заняты, им некогда думать о создавшемся положении. Чем больше работы, тем меньше дурных мыслей!

Около обеда со стороны противника заработала звуковещательная установка.

– Русский Иван! Сдавайся! Тебе не выйти из болота. Иван, всем, кто сдастся, мы сохраним жизнь! – и далее, все в том же духе.

Первую часть «радиопередачи» вел немец, коверкающий русские слова. За ним, после некоторого перерыва, выступил перешедший на сторону врага красноармеец.

– Братья солдаты! Не верьте комиссарам! Немецкое командование относится к добровольно сдавшимся солдатам очень хорошо! Братья, выходите с болота! Вам всем сохраняют жизнь!

Закончилось радиовещание песней «Валенки» в исполнении Лидии Руслановой. По мнению немецких пропагандистов, знакомая всем мелодия должна была вызвать воспоминания о доме и, как следствие, желание остаться в живых. Срок для сдачи противник установил не позже 12.00 часов следующего дня.

Поиски гати к успеху не привели. Выхода с острова не было.

Вечером Горелов предложил новый план:

– Коля, Рочев весь день с солдатами общался, что-то им втолковывал. Кавказцы, сам видел, ни на шаг от Чакиева не отходят. Сколько человек в отряде перешло на их сторону, я не знаю, но немцев все внимательно слушали. Коля, давай возьмем грех на душу, перестреляем всю «головку» заговора.

– Поздно. Они все начеку. У всех оружие. Убьем первого, второго, остальные перебьют нас. Если уж идти в наступление, то всем на всех. Да только комиссар нас не поймет! Для него, как я погляжу, все бойцы так и остались доблестными воинами Красной армии, о сдаче в плен не помышляющими. Давай ночь переждем, а завтра...

– Что завтра? Ночью давай сонных перебьем!

– На ночь они свой караул выставят, внезапно напасть не получится. Подождем до завтра. Пока еда в лагере есть, мы в относительной безопасности.

Перед сном Лоскутов отрезал правый карман у шинели. Теперь он мог, не вынимая рук из карманов, стрелять через распахнутые полы шинели (бандитский метод, известный со времен Гражданской войны).

На следующий день построение и развод на работы прошли как обычно. Но, как только комиссар скомандовал разойтись, из шеренги вперед вышел Рочев.

– Погодь немного, Андреевич! – фамильярно начал он. От такого вступления у Сергиенко отвисла челюсть. – Мы тут с ребятами покумекали и решили, если вам охота на болоте подыхать, то сдыхайте, воля ваша. А нам, молодым и здоровым, еще пожить охота!

С правой руки от Рочева встал Чакиев с винтовкой наперевес. За ним трое земляков с хмурыми решительными лицами. Светлов отошел по левую руку. Все с оружием. Все готовы к схватке.

– Я так думаю, народ, нечего нам комиссарское вранье слушать! Нет отсюда иного выхода, как тот, по которому мы сюда пришли. А коли иного пути нет, то надо возвращаться.

– Вы собрались атаковать противника? – ошарашенно спросил комиссар.

– Начальник, ты дурак, что ли? – изумился Рочев. – Мы сдаваться собрались. Сам слышал, что немцы всем жизнь пообещали. Тебе если надо, то ты и вой, а мы свое отвоевали. Баста! Как говорил товарищ Ленин: «Штыки в землю!»

– Как ты, изменник, смеешь трогать священное имя Ленина! – Сергиенко полез за пистолетом, но от волнения не смог открыть кобуру.

Стараясь сохранять невозмутимое выражение лица, Лоскутов нащупал пистолет за ремнем.

«Первая пуля Рочеву, а там как получится!» – решил он.

– Что, комиссар, ручки дрожат? – рассмеялся Рочев. – Оставь шпалер в покое. Я тебе пока предлагаю миром разойтись. И вы, офицерики, не вздумайте за пушки хвататься!

Сергиенко бросил возиться с кобурой, выпрямился и замер, сверля глазами вожака взбунтовавшихся солдат. Что делать дальше, он не знал. И никто не знал, что делать дальше. Все были в такой ситуации в первый раз.

Над поляной повисло тягостное ожидание развязки. Сколько бы они так простояли, неизвестно, но со стороны болота вдруг раздался насмешливый голос:

– Бог в помощь, православные! Сегодня вроде не ярмарочный день, а вы, никак, кулачные бои устраивать собрались? Чего вы встали, стенка на стенку? Места на поляне мало?

Все обернулись на появившегося неизвестно откуда военного. Явление его было так неожиданно, а внешний вид так странен, что толпа (а войско без дисциплины – это толпа), безмолвно замерла. Всеобщее чувство глубочайшего изумления выразил Павел Воротилов, простодушный набожный крестьянин с Вологодской области:

– И явился архангел твой, Господи, и лик его был черен!

Лицо у «архангела» было действительно черным, но не от гнева, а от грязи. Одет незнакомец был в камуфляж без знаков различия, на груди – немецкий десантный автомат, слева на бедре – брезентовая сумка через плечо.

Лоскутов, узнав незнакомца, сделал шаг в сторону, отделился от остальных офицеров.

«Монгол. Точно он! Только одет как немецкий диверсант».

Первым на поляне в себя пришел Рочев.

– Ты кто такой? – рыкнул он. – Чего тебе здесь надо?

– Вам телеграмма из райсобеса, – совершенно серьезно ответил Монгол и достал из сумки сложенный вдвое листок.

– Чего-чего, какая на хрен телеграмма? – сбавил тон Рочев. Вид простой бумажки подействовал на него обескураживающе. Умом он понимал, что никто на болото телеграмму не отправит, но, с другой стороны, вот же, пришел человек, и в руках у него какой-то документ.

– Есть еще заказное письмо, – продолжая идти к толпе, рейдовик сунул бумажку в сумку и вытащил оттуда взведенный пистолет.

Не сбавляя хода, «накатом», Монгол открыл беглый огонь по мятежникам. Первым рухнул Чакиев, следом, так ничего не поняв, завалился на бок Рочев.

Один из кавказцев машинально вскинул винтовку, но его опередил Лоскутов. Откинув полу шинели, он, согнув руку в локте, трижды выстрелил в бунтовщика. Светлов, как только загрохотали выстрелы, бросился бежать к гати, но был сражен Гореловым, выпустившим ему в спину половину обоймы из табельного “ТТ”.

Итог скоротечной перестрелки на поляне: трое убитых, один смертельно раненный.

– Товарищ, вы кто такой? – пришел в себя Сергиенко. – Товарищ, вы же наш, советский? Вы военный служащий? Товарищ, у вас есть при себе документы?

– Конечно же есть! – всплеснул руками рейдовик. – Как же, по немецким тылам да по болотам без документов ходить? У меня при себе есть паспорт, профсоюзный билет, свидетельство о разводе и пропуск на склад вторсырья. Что желаете почитать?

– Товарищ, вы не хамите! Я батальонный комиссар!

– Вижу, что не балерина.

– Монгол, брат мой! – Лоскутов с распростертыми объятиями пошел навстречу рейдовику. – С Могилева, с 1941 года не виделись! Вот так встреча!

Монгол, широко улыбаясь, обнял Лоскутова и на ухо ему прошептал:

– Как отвратительно получилось в этом Могилеве! Я даже имени твоего не узнал.

– Николай меня зовут. Монгол, ты давно здесь?

– С час, наверное. Промок весь, пока в кустах сидел. Мошка в глаз укусила, но это мелочи! Сколько еще в вашем балагане осталось желающих сдать в плен?

Они отошли в сторонку, Лоскутов разъяснил рейдовику расклад сил.

– Монгол, ты выведешь нас отсюда?

– Выведу, но далеко не всех. Я, Коля, могу вывести вас к партизанам, но там свои порядки. Там за малейшее малодушие карают пулей без суда и следствия. Сам понимаешь, в немецком тылу трус да предатель страшнее и опаснее любого врага. Ссыкунов я к партизанам не поведу. Так что всех, кто подумывал о сдаче, оставим здесь. Бунтовщиков нейтрализуем.

Со стороны гати заговорила немецкая звуковещательная установка. Репертуар был прежний.

– Николай, собери всех, кому доверяешь, за кого можешь лично поручиться. Объясни, что к чему. Комиссара в расчет не бери, я с ним сам потолкую. Вот еще что. Прикажи второму офицеру разоружить всех солдат. Любого, кто откажется сдать оружие, ликвидировать на месте.

Оставшийся не у дел Сергиенко сидел в одиночестве. Рейдовик отыскал его, встал рядом.

– Для командира любого подразделения, на мой взгляд, нет более тяжкого проступка, чем потеря управления войсками в боевой обстановке. Если вы помните, то именно за потерю управления войсками в начале войны судили и расстреляли все руководство Западного фронта во главе с генералом Павловым. Но у генерала Павлова в подчинении были тысячи и тысячи солдат, и он не мог проконтролировать каждого. У вас же, батальонный комиссар, личного состава – раз-два и обчелся. Каждый человек на виду. Что мешало вам ликвидировать назре-

вающий мятеж? Что вам препятствовало установить жесткую воинскую дисциплину? Вам не хватило силы воли или решили плюнуть на все?

– Что я, по-вашему, должен был делать, собственных солдат расстреливать? – не поднимаясь с земли, спросил Сергиенко.

– Мы на войне, и этим все сказано.

Монгол опустился рядом, неспешно набил табаком трубку, закурил.

– После весеннего разгрома армии генерала Власова в немецких тылах оказалось много наших бойцов. Кто-то из них поспешил сдаться в плен, кто-то пошел в партизаны, а кто-то, у кого подленькая душонка, дезертировал и объединился в банды. Ближайшая из них, под видом партизанского отряда, действует неподалеку отсюда, в лесах у села Красноречье. Бандиты эти, все бывшие красноармейцы, грабят население, насилуют, убивают. А знаете, кто повинен в образовании этой банды? Точно такие же «командиры», как вы!

Рейдовик в гневе ткнул в сторону Сергиенко пальцем.

– Если бы подобные вам слюнтяи не поленились расстрелять негодяев, то сейчас у руководства партизанским движением не болела бы голова, как ликвидировать банду. Как объяснить населению, что последний кусок хлеба отнимают у них не советские партизаны, а мародеры и дезертиры? Комиссар, я не поведу вас через болото. Сами вы выйти не сможете, а если сдадитесь в плен, то немцы вас расстреляют. Я советую вам поступить как офицеру, который еще не утратил понятия слова «честь».

Монгол поднялся, не оборачиваясь, пошел к Лоскутову.

– Приказ выполнен, – доложил Николай Егорович. – Все оружие составлено в «козлы», мой земляк, боец Лукин, выставлен в караул.

– Ты, Николай, бери командование отрядом на себя. Меня за командира не считай. Я, хоть и старше тебя по званию, но я – человек тени. Мой номер – два. Мое место не в строю, а немного в стороне.

– Монгол, а ты как вышел на нас?

– Случайно, Коля, случайно.

Монгол не стал рассказывать Лоскутову подоплеку своих путешествий по вражеским тылам. Уже в партизанском отряде Николай Егорович узнал, что рейдовик Монгол летом 1942 года трижды пересекал линию фронта, доставляя партизанам секретные приказы командования Красной армии. Во время переходов по оккупированной немцами территории Монгол наверняка встречал отбившихся от войск красноармейцев, но к партизанам всегда выходил один. Для Лоскутова рейдовик решил сделать исключение.

– Я бы назад повернул, – впоследствии объяснял он Николаю Егоровичу свой поступок, – да вижу, могилевский знакомый попал в западню. Пришлось вмешаться.

На краю поляны, где сидел комиссар, щелкнул одиночный выстрел.

– Строй людей, Николай, начнем сепарирование.

Под руководством Лоскутова оставшиеся в живых солдаты были разбиты на три части. Первая уходила с ним. Вторую, самую многочисленную, оставили на месте. Третью, из четверых активных бунтовщиков, расстреляли у кромки болота. Тела мятежников утопили в трясине, Сергиенко похоронили под березой.

– Мы не дали солдатам выбора, сами всех разделили. Куда им теперь с поляны, только к немцам? – Лоскутов с сожалением осмотрел остающихся бойцов. Будь его воля, он бы постарался всех вывести с болота, но перечить рейдовичу не стал. Монголу было виднее, как надо действовать во вражеском тылу.

– Коля, о чем ты? – возразил рейдовик. – Если кто не захочет к немцам, тот через час по нашим следам двинется. Выйдет или нет, это другое дело. Но попытаться-то можно! Так что выбор мы им оставили. Ты взял документы комиссара? Будем считать, что он геройски погиб в бою. Все, пошли!

Монгол первым подошел к кромке болота.

– Бойцы! Все идут за мной след в след: как волки по снежной целине, как крысы по корабельному канату. Никто не отстает. Никто не разговаривает. Запомните: болото – оно, как хищник, пожирает только слабых, а того, кто силен духом, никогда не тронет. Построились? Вперед!

К вечеру рейдовик вывел отряд на твердую землю. Еще через два дня пути они вышли в зону действия партизанского отряда «Красный мститель». Пробыв в отряде сутки, Монгол ушел к линии фронта. Лоскутов остался у партизан.

Глава 7

«Нарочным. Вручить лично. Совершенно секретно. Командующему Северным флотом адмиралу Головко А.Г.

Информирую вас, что решением Ставки ВГК от 9.04.1944 года для руководства Особой разведывательной операцией образован временный штаб под кодовым наименованием “Посох-1”. Местом дислокации штаба определен город Мурманск.

Персональный состав штаба:

1. Начальник – генерал-майор Морозов П.А. (от разведывательного управления ГШ РККА).

2. Замначальника, начальник политотдела штаба – полковник Рогожин Н.С. (от ГПУ РККА).

3. Замначальника – полковник Колесников Р.Е. (от оперативного управления Генштаба).

.....

17. Офицер по особым поручениям – капитан Лоскутов Н.Е. (от РУ ГШ).

В оперативные дела штаба не вмешиваться. Обеспечить штаб для проведения операции всеми силами и средствами подчиненных вам флота и войск.

Контроль за деятельностью временного штаба возлагаю на себя. Василевский».

Глава 8

На оккупированной территории Советского Союза немцы оставили в неприкосновенности две вещи: они не тронули колхозы (с них легче собирать продовольственный налог) и оставили в обращении советские рубли. Советскими рублями, с гипсовым профилем Ленина и гербом СССР, немцы платили зарплату полицаям (600 рублей), бургомистрам (до тысячи), техническим работникам военно-гражданской администрации, рабочим промышленных предприятий и служащим железных дорог. Рублями местное население рассчитывалось в магазинах, на рынках и между собой. Точно такие же рубли были в ходу по другую сторону фронта – на всей остальной территории Советского Союза.

В начале марта 1943 года из Пскова в сторону 18-й армии вермахта, державшей в блокаде Ленинград, выдвинулся автомобильный конвой, перевозивший продовольствие и медикаменты. В районе станции Луга автоколонну из засады атаковали бойцы партизанского отряда «Красный мститель». Командовал налетом начальник разведки отряда Николай Лоскутов.

После часового боя, во время осмотра трофеев, бойцы Лоскутова обнаружили в подбитом бронетранспортере два мешка советских денег, предназначавшихся для выплаты фашистским прихвостням. Деньги и захваченное продовольствие были погружены на подводы и увезены в базовый партизанский лагерь, располагающийся в глухом лесу к востоку от Луга.

Разобиженные полицайи, оставшиеся без зарплаты, обратились с жалобой к командующему 18-й армией генералу Линдеману. Взвесив доводы заявителей, генерал вызвал к себе командира дивизии СС «Полицай» и попенял ему, что в зоне действия вверенных ему войск процветает бандитский произвол. Вернувшись в расположение дивизии, взбешенный нагоняем генерал-майор войск СС Фриц Шмедер приказал готовить широкомасштабную операцию по ликвидации партизанских формирований на юго-западе Ленинградской области.

Между тем в базовом лагере отряда «Красный мститель» в штабной землянке изъятые у нацистов деньги были пересчитаны комиссией в составе командира отряда, комиссара, начальника разведки и начальника тыла. Денег оказалось миллион двести тысяч рублей. Оставив небольшую сумму на закупку продовольствия и содержание агентуры, командир отряда приказал все деньги запаковать обратно в немецкие прорезиненные мешки и поместить на склад вооружения под круглосуточную охрану.

Свидетелем ажиотажа вокруг захваченных денег стал рейдовик Монгол, остановившийся в отряде «Красный мститель» на суточный отдых.

В апреле, как только проселочные дороги и полевые аэродромы просохли, полки дивизии СС «Полицай», сформированные из бывших сотрудников германской полиции, усиленные танками и артиллерией, начали наступление на подконтрольные партизанам территории. В первый же день немецкого наступления, во время бомбардировки базового лагеря, погибли комиссар отряда и начальник тыла. Понимая, что перед силами превосходящего противника позиций в лесу не удержать, командир «Красного мстителя» дал приказ на прорыв в сторону Эстонии. Перед уходом из базового лагеря отбитые у немцев деньги были закопаны в укромном месте.

Через две недели тяжелых боев, потеряв больше половины личного состава и почти весь обоз, остатки «Красного мстителя» оторвались от преследования и обосновались в лесисто-болотистой местности в окрестностях рабочего поселка Сланцы. Командир отряда при отступлении был тяжело ранен и перед смертью передал командование самому опытному офицеру – Лоскутову. Так, в мае 1943 года Николай Егорович стал командиром партизанского отряда.

К июню активные боевые действия между партизанами и немецкими войсками закончились, стороны разошлись зализывать раны и готовиться к новым схваткам.

Для разьяснения обстановки в «Красном мстителе» советское командование послало через линию фронта разведчика-рейдовика Монгола, лично знавшего Лоскутова. 6 июля Монгол был на месте. С собой он принес копию приказа об утверждении Николая Егоровича в должности командира «Красного мстителя». Отметить радостное событие Лоскутов решил на уединенном хуторе, вдали от своего базового лагеря, практически на границе контролируемой им территории. В основном лагере никаких торжеств не было, шла обычная партизанская жизнь.

На праздничном ужине кроме Монгола и Лоскутова присутствовали вновь назначенный комиссар отряда, начальник разведки и начальник медицинской части – единственный доктор в отряде – тридцатипятилетняя стройная брюнетка Оксана Шутова. Своего заместителя и начальника тыла Николай Егорович оставил «на хозяйстве». Охрану хутора обеспечивали проверенные в боях телохранители.

Хозяйка хутора, вдова убитого эсэсовцами лесника, приготовила гостям барский ужин: жаренную на сале картошку, яичницу, квашеную капусту, целиком запеченного в русской печи петуха. Спиртное Лоскутов привез с собой.

Первым с краткой поздравительной речью выступил Монгол.

– Товарищи, – поднялся он из-за стола, – от лица командования Волховским фронтом имею честь сообщить вам о двух приятных событиях. Первое. Моему боевому товарищу и вашему командиру присвоено очередное воинское звание – старший лейтенант. Второе.

Монгол жестом прервал поздравления.

– За мужество и героизм, проявленные при отражении вражеского наступления, и умелые действия при руководстве партизанским отрядом Николай Егорович Лоскутов награжден орденом Красной Звезды. Коля, друг мой, ни звездочек, ни ордена я тебе принести не мог, так что прими поздравления с пустыми руками.

– А вот и нет! – комиссар отряда достал из кармана две заранее приготовленные звездочки и бросил их в кружку Лоскутову. – Командир, по обычаю, до дна! Все до дна, товарищи!

Кружки с водкой сдвинули, выпили. Николай Егорович выловил звездочки, спрятал в карман гимнастерки.

– А что-то у нас товарищ рейдовик не до конца выпил! – решил навести порядок комиссар. – Обычай требует за очередное звание всем и до конца.

– Это русским обычай требует пить до конца, а я, как видишь, – полукровка. Во мне половина русской крови, а половина – тунгусской. Нам, тунгусам, спиртное пить вообще нельзя, вот я и пью только половину дозы. За русского. За тунгуса пропускаю.

После упоминания о тунгусах все стали вспоминать забавные истории, связанные с жизнью и обычаями коренных народов Сибири. Говорили исключительно о событиях, происходивших до войны. О войне, во всех ее проявлениях, вспоминать никто не хотел.

С наступлением темноты Монгол вышел на крыльцо выкурить трубочку на свежем воздухе. Сзади к нему бесшумно подошла Оксана.

– Грустишь в одиночестве? – спросила она.

– Философствую, – рейдовик показал мундштуком трубки на звездное небо. – Как-то один мой учитель, безбожник и материалист до мозга костей, выдвинул теорию, что у человека все-таки есть душа, которая, по его мнению, после смерти человека улетает к звездам. Красивая теория, жизнеутверждающая. Но в ней нет ничего о конечной цели путешествия. Предположим, я умер, и душа моя достигла некоей точки сортировки: герои – направо, трусы и подлецы – налево. Куда меня направят, вот в чем вопрос! Вдруг я окажусь на звезде, где собрались одни активисты и партработники? Главным у них, естественно, Карл Маркс. Всех, кто не прочитал до конца его полное собрание сочинений, он велит варить в кипятке тысячу лет подряд. А я Маркса вообще не читал. Вот вляпаюсь!

Шутова засмеялась:

– А куда бы ты хотел попасть?

– Я бы хотел путешествовать между звездами. Скучно на одном месте сидеть.

С шумом открыв дверь, на крыльцо вышел разгоряченный спиртным комиссар.

– Вот вы где притаились! Воркуете, как два голубка. Пошли в дом, а то водка стынет.

– Пошли, – согласился Монгол, – посетим планету пьяниц.

Наутро партизаны убыли на базу. На хуторе остались только командир отряда с отделением автоматчиков и рейдовик.

– Вот что, Коля, – оставшись один на один, сказал Монгол, – вчера народу было много, а сейчас самое время поговорить. На тебя, друг мой, в НКВД заводят уголовное дело по расстрельной статье.

– За что? – помрачнел Лоскутов.

– За похищение государственного имущества в особо крупном размере.

– Ты рехнулся, что ли? Какое на хрен хищение, когда я уже год безвылазно сижу за линией фронта, во вражеском тылу? Я где здесь государственное имущество надываю?

– Обоз, Коля, денежный обоз.

– Ты про этот миллион? Так я его у немцев отбил.

– А немцы где эти деньги взяли, в городе Берлине напечатали, вместо рейхсмарок? Шире надо смотреть, Коля, шире! Ты же бывший мент и должен быстрее меня провести логическую цепочку. Где немцы взяли советские рубли? Захватили при наступлении в каком-нибудь госбанке. От того, что немцы захватили советские рубли, они не перестали быть госсобственностью. Это, как ни крути, народные деньги, а ты их куда дел? Переписал, составил акт и закопал?

– Ну да, так все и было. Мы же посылали соответствующее донесение на Большую землю.

– Грош цена твоему донесению! – Монгол нервно постучал кончиками пальцев о крышку стола. – Где свидетели пересчета денег? Все погибли. Где бойцы, которые закапывали деньги? Никого нет! Все мертвы. Ты один знаешь, сколько денег отбили у немцев и где они закопаны. При таком раскладе товарищам из «органов» показалось очень подозрительным, что обладателем тайны миллиона рублей остался ты один.

– Откуда в НКВД известно, что погибли все имевшие отношение к деньгам?

– Понятия не имею. Стучит кто-то, кто в теме. И каким образом на тебя доносы через линию фронта передают, я не знаю. Даже предположить не могу. Но одно тебе точно могу сказать, стукач этот – из твоего окружения. Это, Коля, кто-то из вновь назначенных тобой командиров старается. Твое место для себя готовит.

– Пусть старается, за мной греха нет, – Лоскутов помолчал. – Слушай, Монгол, а может, мне комиссару с заместителем нарисовать схему, где деньги зарыты?

– Не стоит. Не вводи ближнего в искушение – голова целее будет. Миллион рублей, Коля, как ни крути, большие деньги. Огромные. Я даже не представляю, что можно на них купить.

Весь день партизаны помогали хозяевам хутора по хозяйству, а рейдовик готовился к обратному переходу. Лоскутов, чтобы отвлечься от черных мыслей, работал наравне с остальными. Вечером, уставший от непривычного крестьянского труда, он выпил самогонки и рухнул спать.

Ночью ему снились бывшая жена и зануда-теща.

– Коля, – увивалась вокруг него жена, – выкопашь деньги после войны и заживем по-человечески! Домик у моря купим, патефон с пластинками. Будем по вечерам танцы устраивать!

– Нет у меня денег! – Лоскутов пытался во сне отогнать жену. Но она снова возникала из пустоты и нашептывала:

– Коля, ты сапоги себе хромовые справишь, а мне чулки шелковые и платье в горошек.

– Уймись! Не твои это деньги и не мои!

– Зря ты так, зятек, – по-змеиному зашипела теща. – Мы ведь можем и прокурору написать, что ты народное добро припрятал и все хочешь на уличных девок извести. Скажи хорошему, где ты деньги закопал?

Неприятный сон прервал рейдовик.

– Вставайте, граф, вас ждут великие дела!

В утреннем тумане, по росе, партизаны выдвинулись к опушке леса, за которой начиналась территория, контролируемая немцами.

В намеченной рейдовиком точке перехода, на проселочной дороге, партизаны обнаружили препятствие – у обочины стоял сломавшийся немецкий автомобиль. В другой бы раз отряд обошел автомобиль стороной, но у машины, опасливо посматривая в сторону леса, стояли двое полицейских.

– Командир, полицейские! – возбужденно прошептал за спиной Лоскутова Сизов, недоучившийся студент.

– Машина из саперной части, – уточнил рейдовик, рассматривая автомобиль в снайперский прицел. – Водитель немец, а эти два охламона ему в охрану выделены. Совсем, видать, плохо дела идут у наших «друзей», если полицейских в эскорт снаряжают. Будете брать?

– Монгол, ты уж извини за задержку, но долг требует! – Лоскутов жестом велел автоматчикам разойтись в стороны и приготовиться к атаке.

Рейдовик пожал плечами: задержка так задержка! Действуйте, если долг велит.

Во время войны на оккупированной территории СССР случалось, что партизаны проявляли по отношению к немцам гуманизм. Например, не добивали раненых на поле боя или не нападали на госпитали. Но к полицейским было совсем другое отношение. Долг партизана – это беспощадное истребление полицейских всеми силами и средствами. Тут ни о каком гуманизме или милосердии речи быть не могло: встретил полицейский – убей его! Не место этой твари на нашей священной земле.

По команде Лоскутова бойцы одновременно, в полный рост, вышли из кустов на обочину.

У грузовика лицом к лесу покуривал пожилой полицейский. Второй, помоложе, стоял к лоскутовцам спиной и что-то объяснял товарищу. Водитель-немец копошился в моторе, из капота выглядывали только его обтянутые галифе ягодицы.

Увидев партизан с автоматами наперевес, пожилой полицейский неспешно отбросил окурок и поднял руки вверх.

– Ты чего? – изумился молодой и тут же рухнул на землю от удара прикладом в голову.

– Эй, братан, приехали! – один из партизан звонко хлопнул немца по заднице. – Шабаш работать, фюрер перекур объявил.

– Ты чего такой смурной? – «участливо» спросил Лукин пожилого полицейского. – День с утра не задался? Бывает.

– Стрелять будете?

– Нет, по головке тебя, сволочь, гладить будем, – со злостью замахнулся на полицейского партизан Волчек, имевший к предателям личные счеты.

– погоди ты, чего завелся? – Лукин не дал ударить пожилого. – Командир, куда его?

– Этого и немца в лес, а этого в кузов. Волчек, Сизый, займитесь им, пока в себя не пришел!

Лукин и еще трое партизан повели пленных в лес. Волчек ударом ножа прикончил лежащего на земле полицейского и с недоучившимся студентом закинул его в кузов автомобиля. Лоскутов и боец, до войны бывший шофером, стали осматривать двигатель. Рейдовик проверил груз и обнаружил ящики с взрывчаткой. Килограммов двести аммотола, не меньше.

«Ого! К нашему наступлению готовятся. Мосты минировать будут», – решил он.

До леса конвоиры и пленники шли молча, в лесу разговорились.

– Ты скажи вот что, – спросил у пожилого полицая Лукин, – как нынче в городе с ценами? Водка сколько стоит?

– Хорошей водки, довоенной, днем с огнем не найти. На базаре только самогонка, и та паршивого качества.

– А с едой как? Почем хлеб на базаре?

– Килограммовая буханка черного хлеба рублей 500 выйдет. Кило коровьего масла – тысяча. стакан постного масла можно рублей за сто пятьдесят сторговать.

– Как же вы живете на такую зарплату, при таких ценах? Воруете, поди?

– У кого воровать-то, нищие все кругом!

– Лука, хорош с ним лясы точить! – вмешался в беседу один из партизан. – От дороги отошли, пора и дело делать.

– Помолиться напоследок дадите? – тяжело вздохнув, попросил полицай.

– Ты, коли такой набожный, шел бы в церкву, попом служить, а ты в полицай подался, – Лукин стволом автомата показал пленному повернуться к нему спиной. – Раньше креститься надо было, теперь уже поздно. Атеистом помрешь.

Услышав двойной, заглушенный лесом звук выстрела, Лоскутов прыгнул с бампера, подошел к кузову.

– Монгол, что там?

– Взрывчатка здесь, полгорода снести хватит.

– Еды никакой нет?

– Еды нет, – насмешливо ответил рейдовик. – Немцы есть.

– Какие еще немцы? – Лоскутов приподнялся на подножке и посмотрел в сторону, куда указывал рейдовик. По дороге, поднимая успевшую просохнуть пыль, двигался легковой автомобиль в сопровождении двух мотоциклов с пулеметами.

– Придется и этих кончить, – философски заметил Монгол. – Незаметными нам никак не уйти.

– Сизов, Федор, в кузов! – скомандовал Николай Егорович. – Остальным залечь на обочине. Волчек, со мной, под колеса.

– Я начну первым, – предложил рейдовик. – Мне сверху стрелять удобнее.

– Монгол, взрывчатка не рванет?

– Если рванет, ты об этом не узнаешь.

Приближаясь к грузовику, мотоциклисты сбавили ход. Монгол через щель в опущенном тенте наблюдал за ними.

– Федор, я стреляю в первого пулеметчика, ты во второго. Студент, стреляй через лобовое стекло в водителя автомобиля. Готовы? Немного еще подпустим... Огонь!

Перестрелка длилась недолго. Захваченные врасплох немцы не успели оказать сопротивления. Через минуту шквального огня все было кончено.

Соблюдая меры предосторожности, партизаны вскрыли легковой автомобиль. На заднем сиденье, прижимая к животу портфель, сидел мертвый майор-пехотинец. Правая рука его была скована с портфелем никелированной цепочкой.

Тело майора вытащили на дорогу, убитого водителя оставили на месте.

– Как портфель-то от него отцепить? – спросил простоватый Федор. – Руку отрезать или ключи искать будем?

– Ключ может быть только у получателя документов, – резонно заметил Монгол и ножом взломал замок. – Командир, да тут пакет с сургучными печатями! Кажется, мы зацепили крупную рыбу. Так, что написано? Студент, иди сюда, переведи вот эту надпись.

– План операции «Мотылек», – морща нос, прочитал Сизов.

– Тут больше слов написано! – возмутился рейдовик. – Остальные что, не можешь перевести? Зря на твое обучение советская власть деньги тратила! Две строки прочитать не можешь, грамотей. Еще в институте учился!

– Что написано, то и перевел, – обиженно пробурчал студент-недоучка.

– «Дер план, дер флаттер»! Да я с обезьяньего языка «дер план» на русский перевести смогу, а ты...

– Кончай базар! – скомандовал Лоскутов. – Студент, перекладывай бумаги в сидор и пошли отсюда!

– Погоди минуту, – Монгол обшарил майора, вытащил из внутреннего кармана удостоверение личности и чернильную ручку с колпачком.

– Держи, Николай Егорович! – рейдовик протянул Лоскутову ручку. – Будет чем приказы подписывать.

Лоскутов подарок оценил. В отряде уже месяц не было ни капли чернил, так что все документы писали карандашами. Карандаши, кстати, тоже заканчивались.

– Значит, так, – Монгол собрал партизан вокруг себя, – если этот майор вез особо важные документы, то необходимо сделать так, чтобы враг не догадался, что они попали в наши руки. Есть предложения, как это сделать? Нет? Тогда слушайте меня. В кузове этого автомобиля полно взрывчатки. Сейчас мы соберем всю технику и разместим ее рядом с грузовиком. Потом взорвем грузовик, и со стороны все будет выглядеть как несчастный случай: ехал майор мимо грузовика, а в том взрывчатка детонировала, и всем крышка! Как вам такой план?

– Если немцы будут делать тщательный осмотр места происшествия, то обнаружат, что легковушка и мотоциклы пробиты пулями, – задумчиво возразил Лоскутов.

– Командир, – Монгол постучал по кузову, – я даю тебе гарантию, аммотол рванет так, что долго-долго будет обломки по дороге собирать. Да и кто осматривать-то место будет? Из гестапо специалистов пригласят? Так они не дураки, возле леса с лупой ползать. Приедут, глянут со стороны и побыстрее назад. Только как взорвать аммотол, у нас запала-то нет.

– От гранаты он взорвется? – спросил Волчек. – Тогда так, вы расставляйте технику, покойничков рассадите, а я на одном из мотоциклов шнур потяну.

– Дельно! – поддержали партизаны.

Легковой автомобиль и поврежденный мотоцикл подкатили вплотную к грузовику. Между ящиков с взрывчаткой закрепили гранату – «лимонку». Шнур от гранаты зацепили к исправному мотоциклу. Дождавшись, пока все отбежит на безопасное расстояние, Волчек дал по газам.

Взрыв аммотола был такой силы, что земля под партизанами, залегшими метрах в пятидесяти, покачнулась, куски металла со шрапнельным свистом пролетели над головами и пошибали ветки с деревьев в лесу. От грузовика осталась только воронка посреди дороги. Легковушку разорвало пополам, а про мотоцикл и говорить нечего. Волчека взрывной волной сбilo с сиденья, но он отделался легкими ушибами.

– Кажется, перестарались, – пробурчал Лукин, осматривая обломки. – Где они теперь майора найдут? Даже подметок от него не осталось. И портфельчик с планом испарился. Все шито-крыто, комар носу не подточит.

Из базового лагеря, до которого добрались только ночью, рейдовик лично, воспользовавшись известным только ему одному шифром, отстучал радиogramму в разведотдел штаба Волховского фронта. Ответ не заставил себя ждать. Штабом фронта Лоскутову было приказано подготовить место для приземления самолета У-2. Монголу с захваченными документами предписывалось вылететь в расположение наших войск.

– Вот дела! – Лоскутов почесал давно небритый подбородок. – За все время, что я в партизанах, к нам ни разу самолет не присылали. Парашютистов, бывало, бросали, но так, чтобы самолет садился, такого еще не было... Монгол, отвезешь Дашке письмо?

– На самолете-то что не отвезти! Не через линию же топать.

За успешное проведение операции по захвату особо важных планов противника Николай Егорович Лоскутов был награжден орденом Отечественной войны II степени. Монгола не наградили, так как он не разрабатывал плана нападения на штабной автомобиль и не руководил действиями диверсионной группы на месте боя.

В октябре 1943 года Лоскутов был ранен, и Оксана Шутова настояла на его эвакуации на Большую землю. Учитывая, что Николай Егорович один знал место захоронения денег, за ним выслали самолет. После недолгого лечения в госпитале Лоскутова направили для дальнейшего прохождения службы в разведывательное управление Генерального штаба РККА. В марте следующего года он с группой сотрудников НКВД, Госбанка и Ленинградского обкома ВКП(б) побывал на освобожденной территории и указал тайник. Отбитые когда-то у немцев деньги были выкопаны, пересчитаны и сданы в казначейство. За спасение народного имущества, похищенного немецко-фашистскими захватчиками, Лоскутова досрочно повысили в воинском звании до капитана и выписали скромную премию. На покупку патефона ее бы не хватило.

Глава 9

Около 10 часов утра 14 апреля 1944 года на аэродром «Ваенга-1», расположенный недалеко от Мурманска, прибыл военно-транспортный самолет Ли-2. Солдаты из аэродромной obsługi, разузнавшие о прибытии высокого московского начальства, при виде заходящего на посадку самолета разбегались от греха подальше кто куда. Офицеры, которым по долгу службы предстояло встречать столичных гостей, выстроились на взлетно-посадочной полосе в порядке старшинства.

Как только перестали вращаться винты самолета, был подан трап. Первым по нему спустился генерал-майор Морозов. Сухо поздоровавшись с встречающими, генерал распорядился препроводить его в штаб 9-го гвардейского минно-торпедного авиационного полка, располагавшийся недалеко от аэродрома, в поселке Ваенга. От предложения командира 9-го гвардейского МТАП полковника Филаретова пообедать и передохнуть с дороги генерал отказался.

В кабинете командира авиаполка Морозов собрал секретное совещание руководителей разведки Северного флота и 14-й армии. Отдельным приглашенным был Филаретов. Заслушивание о положении дел начали с него.

– Согласно приказу Ставки Верховного главнокомандования, 10 апреля на разведку объекта «Посох», расположенного предположительно в окрестностях города Намсус, на самолете Ил-4 вылетел экипаж капитана Караваева, – полковник Филаретов прошел вдоль висящей на стене карте Скандинавского полуострова. – С нашего аэродрома борт Караваева направился на север, далее вдоль побережья Норвегии к «Посоху». В расчетное время борт на аэродром не прибыл, судьба его неизвестна. Предположительно самолет или уничтожен противником, или потерпел катастрофу. До полного выяснения обстоятельств экипаж Караваева будет считаться пропавшим без вести.

– Они связывались с вами по радиосвязи? – спросил полковник Рогожин, представитель Главного политического управления.

Рогожин ничего не смыслил ни в разведке, ни в техническом оснащении самолетов, но был политически подкованным товарищем, способным с одного взгляда определить, кто все силы приложил для выполнения задания Родины, а кто отнесся к исполнению приказа с прохладцей.

– Наши Ил-4 не оборудованы радиосвязью, – полковник Филаретов старался сохранять невозмутимость.

Проблемы с оснащением самолетов авиации Северного флота радиостанциями были всем известны, но никак не решались. Борьба с кораблями противника традиционно считалась задачей второстепенной, так что снабжение морской авиации радиостанциями происходило по «остаточному» принципу, то есть никак.

– Почему ваши самолеты не оборудованы радиостанциями? – с подозрением спросил политработник. Он, кажется, уже стал находить изъяны в подготовке к выполнению приказа Ставки.

– Николай Сергеевич, – повысил голос Морозов, – продолжим заслушивание. Вопросы о радиостанциях надо задавать не командиру полка, а тому, кто их распределяет. Продолжайте, полковник.

– 12 апреля на разведку объекта «Посох» вышел экипаж майора Старченко, командира второй минно-торпедной эскадрильи. Согласно полетному заданию, Старченко шел над морем вне зоны досягаемости радиолокационных немецких станций, установленных вдоль побережья Норвегии. На пути следования, на немецких аэродромах в Альте и Буде, активности не наблюдалось. На перехват борта Старченко истребители противника не поднимались. Но при подходе к «Посоху» Старченко уже поджидали две пары истребителей «Фокке-Вульф-190».

Никакой возможности пройти над объектом или вблизи него у Старченко не было, и он, уклонившись от боя, ушел обратным путем.

– Так этот ваш Старченко смалодушничал, уклонился от выполнения задания партии и Советского правительства, – недобро прищурившись, заметил Рогожин.

– Николай Сергеевич, – вновь вмешался генерал, – у нашего Ил-4 для обороны три пулемета, а у каждого из «фоккеров» – по четыре пушки и два пулемета. Если бы Старченко попытался прорваться к «Посоху», то «фоккеры» бы его в клочья разнесли. Давайте смотреть на вещи реально – бомбардировщику нечего тягаться в огневой мощи с четверкой истребителей.

– Из вашего доклада, – продолжал Морозов, – я делаю следующие выводы: первый – объект «Посох» и окрестности городка Намсус прикрыты плотным радиолокационным полем. Второй – объект с воздуха охраняется современными мощными истребителями, а значит, представляет для противника большую ценность. На охрану мелочовки и «мессершмидтов» бы хватило. И третий вывод – борт, вылетевший на разведку первым, будем считать безвозвратно утерянным.

Генерал достал пачку, вытряхнул папиросу, размял, но прикуривать не стал.

Все присутствующие почувствовали, что наступает кульминация совещания. Сейчас или полетят головы с плеч, или будет поставлена новая задача. Но какая? Опять штурмом прорываться к неизвестному объекту, охраняемому немцами как зеница ока? Что там за объект такой, черт побери?

– Товарищи офицеры, – присутствующие дружно встали, – объявляю боевой приказ! Полковник Филаретов!

– Я! – командир авиаполка вытянулся у карты.

– Полковник, завтра силами вверенного вам подразделения вы проведете воздушную разведку объекта «Посох» и доставите мне фотоснимки объекта. Как вы будете действовать, меня не касается, но мой приказ должен быть выполнен любой ценой. Вам ясно? Если вы считаете, что ваши подчиненные не в состоянии пролететь над «Посохом», то сами садитесь за штурвал – и вперед! Надеюсь, пилотировать Ил-4 вы еще не разучились?

– Никак нет, товарищ генерал-майор! Лично готов возглавить головной экипаж.

– Филаретов, ты мне тут каблуками не шелкай, не на плацу! Я вижу, как ты готов: один экипаж утерян, второй и близко к объекту не приблизился. Это не планирование боевой разведывательной операции, а разгильдяйство! Мне от тебя, полковник, не личная храбрость нужна, а фотоснимки. Мне результат нужен, понятно? Иди, полковник, и через час представишь мне план проведения операции. Реальный план. Выполнимый.

После ухода командира полка Рогожин спросил:

– А почему бы не послать на сопровождение самолета-разведчика наши истребители? Я уверен, они бы надрали уши этим хваленым «фоккерам».

– До Намсуса, вокруг Норвегии, лету около 1700 километров. Ни один наш истребитель такое расстояние не одолеет. Ил-4, без бомб и с полными баками горючего, и тот едва-едва укладывается в перелет.

– Капитан первого ранга Шмаков, что у нас с морской разведкой? – продолжил совещание Морозов.

– Товарищ генерал-майор, – к карте подошел начальник оперативного отдела разведки Северного флота, – наша подводная лодка «Комсомолец Башкирии» завтра войдет во фьорд Намсуса и через перископ произведет фоторазведку побережья.

– Надеюсь, – пробурчал политработник, – подводникам самолеты не помешают.

– Долго! – недовольно поморщился Морозов. – Пока они произведут съемку, пока дойдут до базы, неделя пройдет.

– Для встречи подводной лодки мы можем выслать сторожевик или эсминец. Сутки выиграем.

Пока генерал и флотский разведчик обсуждали возможности ускорения доставки фотоснимков, Рогожин подошел к карте и нашел новое решение проблемы.

– Товарищи, а что, если наши самолеты-разведчики в сопровождении истребителей полетят не над морем, а вот так, напрямую, через горы Скандинавского полуострова? На такой-то перелет у них горячего хватит?

– Николай Сергеевич, вы проложили маршрут над территорией Швеции.

– Вот черт, – искренне озадачился Рогожин, – про нейтралов-то я и не подумал. Придется над морем лететь.

Ровно через час с докладом явился Филаретов.

– Разрешите доложить, товарищ генерал-майор? – полковник занял место у карты. – Мы предлагаем на разведку объекта «Посох» вылететь тремя Ил-4. Экипажам торпедно-бомбовое вооружение не брать. Головной самолет оборудовать автоматической фотокамерой. Маршрут движения прежний: из аэродрома базирования на север, далее над морем, вдоль побережья Норвегии на юг. На объект «Посох» заходить со стороны городка Намсус. При подходе к цели самолеты сплотятся и полетят сомкнутым треугольником. На экранах немецких радиолокационных установок наши самолеты должны высвечиваться как одна крупная цель. На перехват самолетов немцы поднимут пару дежурных истребителей, для подстраховки, возможно, еще пару.

– Немцы поднимут пару истребителей на перехват одного самолета или трех? – вмешался Рогожин. – Почему вы уверены...

– Докладчика не перебивать! – рявкнул генерал. – Полковник, продолжайте.

– Рассмотреть, один самолет идет на объект или три, немцы смогут, только установив с ними визуальный контакт, то есть уже в воздухе.

Филаретов подошел к генералу, выложил на стол три коробка спичек. Сдвинул их между собой.

– Это наши самолеты на подлете к Намсусу. Это Намсус. – Город изобразила перевернутая фуражка. – Это немцы.

Роль вражеских истребителей досталась зажигалке и курвиметру. Объект «Посох», за фуражкой, – позаимствованная у генерала пачка папирос «Казбек».

– Около Намсуса головной самолет резко уйдет вверх, а два сопровождающих бомбардировщика, наоборот, опустятся эшелонами ниже. При подлете немецких истребителей наши нижние самолеты разойдутся в разные стороны, имитируя подготовку к бомбардировке аэродрома. Истребители прикрытия бросят головной самолет и погонятся за нижними самолетами: на каждый бомбардировщик придется по паре «фоккеров». Если повезет, то по одному. Пока истребители будут преследовать наши самолеты, головной борт проскочит через горную гряду, снизится и выйдет с юга на объект «Посох».

Спичечный коробок в руке Филаретова прошелся над «Казбеком» и приземлился на краю стола. На два остальных коробка, преследуемых зажигалкой и курвиметром, присутствующие на совещании офицеры старались не смотреть. Участь спичек была предreshена. Хотя на войне всякое случалось! Могут и уйти. Если повезет.

– Что ж, на первый взгляд план неплохой, – генерал вытряхнул из объекта «Посох» папиросу, прикурил. – Кто поведет головной самолет?

– Разрешите мне, товарищ генерал-майор! – Филаретов вернул фуражку на голову, вытянулся по стойке «смирно!».

– Головной самолет поведет Старченко, – как вопрос, не подлежащий обсуждению, заявил Рогожин. – Старченко в прошлый раз струсил и провалил ответственное задание. Я считаю, мы должны дать ему шанс искупить свою вину перед советским народом.

– Согласен, – Морозов руководствовался другими соображениями. Старченко уже пролетал неподалеку от Намсуса, так что второй раз группу поведет уверенно, с учетом ранее допущенных ошибок.

– Филаретов, готовьте самолеты на вылет. Мне – канал засекреченной связи с Москвой.

В Москве, в разведуправлении Генштаба, несмотря на наступившую ночь, еще не спали. Заместитель начальника советской военной разведки, выслушав Морозова, план нового рейда на объект «Посох» одобрил. Предполагаемая потеря двух бомбардировщиков с экипажами его не смутила.

15 апреля подводная лодка «Комсомолец Башкирии» на перископной глубине вошла во фьорд севернее городка Намсус. Название фьорда на норвежском языке было труднопроизносимо, так что в вахтенном журнале его зафиксировали как «фьорд Намсус-норд».

Несмотря на раннее утро и туман над морем, противолодочные силы немцев не дремали.

– Слышу приближение цели! – доложил акустик. – Отставить! Двух целей. Классифицирую их как скоростные катера-охотники. Обе цели движутся к нам.

– Боцман, погружаемся на глубину 20 метров! – скомандовал капитан подлодки Аванесов. – Штурман, сколько нам идти до объекта?

– Не могу знать, товарищ капитан-лейтенант! – с ехидцей ответил штурман. Действительно, где именно расположен объект «Посох», не знал никто.

– Твою мать! – выругался капитан. – Ты не умничай, Валентин, а толком скажи, мы вошли в этот фьорд или стоим у его устья?

– Пока мы на входе. Дальнейший курс без всплытия я не проложу. Капитан, у нас нет лоцманских карт фьорда, и я не маг, чтобы проложить курс в этом каньоне без визуальной привязки к местности. Капитан, вслепую мы воткнемся в скалы.

– Охотники на расстоянии мили! – доложил акустик.

– Машина, стоп! Тишина в отсеках!

Подводная лодка замерла на глубине.

– Без всплытия мы к объекту не подойдем, – прошептал капитану замполит лодки. – Что будем делать?

– Ждать! – прошипел Аванесов.

Не доходя до подводной лодки трех кабельтов, морские охотники наугад сбросили несколько глубинных бомб. Для экипажа подводной лодки это было предупреждением: «Или вы уберетесь к чертовой матери, или мы начнем бомбить по-настоящему!»

От взрывов глубинных бомб корпус подлодки содрогнулся, в сальнике левого вала появилась небольшая течь.

Капитан вопросительно посмотрел на замполита, штурмана, старпома. Все офицеры кивнули в знак согласия. Решение было принято единогласно. Помирать в далеких норвежских водах, когда участь войны была предreshена, не хотел никто.

– Вахтенный! Занести в журнал: «Обнаружен противником и атакован двумя катерами-охотниками. Близкие разрывы глубинных бомб. Сильная течь в сальнике левого вала. Повреждения корпуса. Вынужден отступить».

Отбомбившись по пустому месту, катера сбросили ход и стали ждать результатов атаки. Как немцы и предполагали, неизвестная подводная лодка тихим ходом ушла в открытое море. Преследовать ее они не стали.

Тем же утром, как только над аэродромом «Ваенга-1» развеялся туман, техники 9-го гвардейского МТАП стали готовить к вылету три бомбардировщика Ил-4. Первыми к самолетам подошли топливозаправщики и наполнили полные баки. Теоретически горючего должно было хватить на 3800 километров пути. В реальности же, учитывая отсутствие на самолетах бомбовой нагрузки, время пребывания в воздухе возрастало, возможности для маневра увеличивались. После заправки топливом были проверены и снаряжены боепитанием пулемет-

ные установки бомбардировщиков: крупнокалиберная носовая и две для защиты задней полусферы.

Снабдив самолеты горючим и боеприпасами, техники проверили исправность двигателей, приборов, электропроводки и внутренней связи. Об окончании предполетной подготовки старшие техники доложили командиру полка. После их доклада к бомбардировщикам был выставлен караул, и больше, до самого вылета на задание, ни один человек на аэродроме не мог приблизиться к самолетам.

В шесть вечера в удаленном ангаре начальник службы воздушно-боевой подготовки собрал стрелков-радиостов и пулеметчиков кормовой установки. Выслушав их доклад о готовности к вылету, офицер еще раз проинструктировал стрелков о секторах обстрела и действиях в непредвиденной обстановке.

Младших членов экипажей сменили штурманы.

– После вылета на север вы смените курс на запад, – указка в руке начальника штурманской службы авиаполка скользила по разложенной на столе карте Скандинавского полуострова. – На расстоянии 100 километров от побережья смените курс на юг. Расчетное время в пути – пять часов. На широте Намсуса одновременное снижение ниже кромки облаков, заход на сушу на расстояние 5–10 километров и разворот на северо-запад. По нашим подсчетам, вы выйдете к Намсусу в пять утра, в момент восхода солнца. Здесь же вы разделитесь. Вперед пойдет только Старченко. Что будет дальше, я спрогнозировать не могу. С того момента, как вы разойдетесь в стороны, каждый будет действовать сам за себя.

– Мне уходить строго над горами или, миновав фьорды, можно двигаться в сторону моря? – уточнил штурман экипажа капитана Хоренкова.

– Как только Старченко начнет снижение в сторону объекта и погони за ним не будет, можешь следовать, куда душа пожелает. Если погоня будет, то ваша задача – преградить путь истребителям. И еще, помните, в воздушное пространство Швеции вторгаться строго воспрещено.

– Еще вопрос, товарищ майор! Объект «Посох» что из себя представляет? Это здание, группа зданий или стоящий на якоре корабль?

– Что представляет собой объект «Посох», не твоего ума дело. Твоя задача тыл Старченко прикрывать. Еще вопросы, только по теме? Если нет, то «Кругом! Разойдись!» До вылета все свободны.

Последними в этом же ангаре инструктаж проходили командиры экипажей. Не преминул перед ними выступить и полковник Рогожин.

– Товарищи офицеры! За всю войну у вас не было более ответственного задания, чем сегодняшний вылет, – Рогожин, вопреки ожиданиям, не стал в своей речи упоминать ни партию, ни Сталина, ни Родину, ни долг. Не тот случай. С легчиками, идущими на выполнение смертельно опасного задания, нужна только конкретика. – Товарищи, все отличившиеся при выполнении задания будут представлены к высоким правительственным наградам. Старченко, лично тебе обещаю: выполнишь задание – получишь орден Красного Знамени. Вернешься без фотоснимков – пойдешь под суд. Второй раз с пустыми руками тебе лучше не возвращаться. Второй раз никакие оправдания тебе не помогут. Всем все понятно?

В горле у политработника запершило, он закашлялся и уступил место командиру полка. Филаретов еще раз повторил с летчиками курс, высоту и очередность маневров над Намсусом.

– Ждем вас, – комполка посмотрел на часы, прикинул расход горючего, – не позднее 11 часов 30 минут завтрашнего дня. Желаю вам всем удачи!

Оставшееся время до вылета экипажи бомбардировщиков посвятили написанию прощальных писем домой. Вернуться живым не рассчитывал никто.

В полночь самолеты оторвались от взлетной полосы аэродрома «Ваенга-1» и через минуты были над морем. Полет проходил без происшествий. На широте Намсуса, проведя в воздухе около пяти часов, бомбардировщики развернулись на обратный курс.

С первыми лучами солнца в небе появились истребители противника. Да не два-три, а сразу же шесть, по два на каждый бомбардировщик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.